Встретимся в октябре. Твой кот

Автор:
Маша Моран

Встретимся в октябре. Твой кот

Маша Моран

Он идеальный… Молодой, красивый, умный, успешный и богатый. Шансы, что он обратит на меня внимание? Ноль. Но мне все-таки удалось завладеть частью его жизни. И вот он уже заботится обо мне, балует, проводит все свободное время только со мной. Вот только цена за это слишком высока… Каждый день я нахожусь рядом с ним, а он даже не подозревает о моем существовании. Содержит нецензурную брань.

Маша Моран

Встретимся в октябре. Твой кот

ВСТРЕТИМСЯ В ОКТЯБРЕ. ТВОЙ КОТ

Маша Моран

АННОТАЦИЯ

Он идеальный… Молодой, красивый, умный, успешный и богатый. Шансы, что он обратит на меня внимание? Ноль. Но мне все-таки удалось завладеть частью его жизни. И вот он уже заботится обо мне, балует, проводит все свободное время только со мной. Вот только цена за это слишком высока… Каждый день я нахожусь рядом с ним, а он даже не подозревает о моем существовании.

ПРОЛОГ

Кому-то веселиться на праздничной вечеринке, а Насте – тащиться на другой конец города, чтобы забирать пьяную сестру. Жизнь не справедлива!

Настя вышла из троллейбуса и осмотрелась. Дождь лил, как из ведра, а она не взяла зонт. Потому что когда выбегала из дома никаких туч не было и в помине! Звезды радостно моргали с неба, а листья красиво кружились над асфальтом.

Теперь эти самые листья печально плавали в лужах.

Ни одной живой души, и только печальные завывания ветра. А может и хорошо, что никого из людей нет? А то мало ли какой маньяк выползет такой ночью на охоту.

Настя поежилась и сильнее надвинула капюшон на глаза. За минуту она промокла насквозь, а ведь даже и пары шагов не сделала.

Это все Кира – ее взбалмошная двоюродная сестра. Вместо того, чтобы учиться, она пропадала на тусовках в подозрительных компаниях. Родители давно махнули на нее рукой. Насте казалось, они даже обрадовались, когда Кира решила уехать учиться в другой город, как это сделала Настя. Почему-то все дружно решили, что Кира должна жить вместе с ней. А Настя, раз старшая, обязана присматривать за сестрой.

Вот только сама Настя была с этим не согласна! Она только-только закончила учебу, работала на двух работах, а в свободное время подрабатывала. Денег едва хватало на оплату квартиры (сестра, естественно, никак ей не помогала), так Кира еще и умудрялась забирать часть на хождение по кафе и клубам.

Настя не знала, как справиться с этой девчонкой. Звонила своим родителям и родителям Киры, уговаривала забрать ее. Но всегда получала один и тот же ответ: «Ты старше, а значит должна заботиться о младшенькой. Положительно на нее влиять. Ей полезно видеть хороший пример перед глазами.»

Да не нужен ей никакой пример! Ремень и хорошая взбучка – вот и все положительное влияние.

Ну ничего… Если все хотят, чтобы она воспитала Киру, то она это сделает.

Вещи сестры уже собраны и стоят в прихожей. Как только Настя вернет ее домой, то просто выставит из каморки, в которой ютится. И назад не впустит, пока сестра не оплатит свою часть за проживание.

Ей надоело нянчиться с ней. Кира, конечно же, никуда не поступила. Зато нашла себе «друзей», которые постоянно устраивали пьяные вечеринки с употреблением бог знает чего.

Сегодняшний день переполнил чашу Настиного терпения. Час назад Кира позвонила и заплетающимся языком попросила забрать ее. Все, что Настя смогла разобрать из пьяного лепета, – ее друзья устроили вечеринку в честь модного сейчас Хэллоуина. Вечеринка включала в себя огромное количества спиртного, странные пляски и песнопения на непонятном языке. И какое-то жертвоприношение. Кого они там резали – курицу или петуха, Настя не знала. Но испытывала огромное желание позвонить в полицию. Собственно, так она и сделала после разговора с Кирой. Но доблестные стражи правопорядка заявили, что ничего криминального в обычной вечеринке не видят. Резать курицу законом не запрещено. И вообще, ее даже нет рядом – как она может что-то утверждать?

Ехать за Кирой пришлось в полном одиночестве.

Настя спрятала руки в карманы промокшей ветровки и поспешила к парку, где по словам Киры и собралась «веселая компания».

Деревья дрожали под порывами ветра, который с каждой минутой крепчал. Ни один фонарь не горел, и чем дальше Настя шла по аллее, тем тяжелее становилось на душе. Ее одолело совсем уж дурное предчувствие, когда из-за зарослей кустарника послышался визгливый женский смех.

Настя вздрогнула и быстро обшарила карманы в поисках телефона. Куда же она его засунула?!

А, вот он!

Дрожащими от холода пальцами, она нашла номер Киры и нажала на вызов.

Кира ответила на пятом гудке, когда нервы уже начали сдавать, и за каждым кустом Насте мерещилась страшная тень.

– Ты где?! – Ветер подхватил ее гневный вопрос, и унес вдаль.

– Настенька, забери меня отсюда, пожалуйста… – Голос Киры звучал вполне трезво, но тихо и испуганно. – Они делают что-то ужасное… – Кажется, Кира плакала, потому что слышалось отчетливое шмыганье носом.

Настя прибавила шагу, понимая, что ладони потеют от страха и переживаний за непутевую сестрицу.

– Скажи, где ты? Я уже приехала. Иду по аллее.

– Тут… тут в самом конце есть роща… Ты увидишь… Настюш, давай скорее…

Настя побежала, стирая с лица холодные дождевые капли. Неожиданно из-за дерева на нее выпрыгнула длинная серая тень. Настя вскрикнула и едва не упала. Два зеленых глаза недобро уставились на нее, и тень тут же уменьшилась до размеров обычной кошки.

Прижав руку к сердцу, Настя испуганно выдохнула:

– Киса… Как же ты меня напугала. Давай, брысь отсюда. Здесь много нехороших дядь и теть.

Кошка несколько секунд невозмутимо смотрела на нее, а потом, взмахнув длинным хвостом, вальяжной походкой скользнула обратно за дерево.

Настя проводила ее печальным взглядом. Ей бы тоже уйти как можно дальше отсюда, а она… идет прямиком к нехорошим дядькам и теткам, от которых предостерегала кота.

Ладно, нужно же вытащить Киру оттуда.

Как и сказала сестра, роща нашлась в конце аллеи. Среди деревьев радостно горел яркий костер, вокруг которого бегали… абсолютно обнаженные парни и

девушки.

Настя спряталась за деревом, пытаясь разглядеть в этой толпе Киру.

И угораздило же сестру впутаться во все это! Да еще и ее втянуть. Эти люди либо чокнутые, либо… Настя еще раз обвела взглядом группку голых плясунов. Их кожа была покрыта какими-то символами черного цвета. Настя нервно хмыкнула: хорошо хоть не красными.

И где, черт возьми, Кира?!

– Бу!

Настя вскрикнула и обернулась. Позади стояла абсолютно голая сестра. Она весело хохотала, размахивая чем-то подозрительно похожим на птичью лапку. На лбу у нее была нарисована какая-то загогулина.

– Ну наконец-то ты пришла! – Она совсем не выглядела напуганной. Наоборот, глаза лихорадочно сверкали. И не смотря на дождь, щеки покрывал румянец.

Настя схватила ее за плечо:

– Ты что творишь?

Страх сменился гневом и почти неконтролируемой злостью. Она даже перестала чувствовать холод.

Кира надула губы и смахнула Настину руку:

– Ты бы ни за что не пришла, если бы я позвала. – Она вдруг крикнула куда-то в сторону: – Настюха здесь! Я же говорила, она поведется.

Настя размахнулась и со всей силы влепила Кире звонкую пощечину.

– Ай! – Та отшатнулась и прижала ладонь к щеке. – Ты охренела?! Я же для тебя стараюсь! Так и сдохнешь, горбатясь на своих работах. Хоть развлекись

немного! Ты даже парню одному понравилась. Идиотка!

Настя метнулась к Кире, испытывая огромное желание схватить ее за волосы и хорошенько оттаскать.

– Ты вообще в своем уме?!

Неожиданно ее руки кто-то грубо схватил и завел за спину.

Обдавая лицо сигаретным дыханием, мужской голос зашептал:

– Бл***! А ты горячая! То, что надо!

От страха все внутри парализовало, но откуда-то Настя нашла в себе силы наступить державшему ее уроду на ногу и начать вырываться. Он снова выматерился и встряхнул ее.

– Эй, Алекс! Помоги мне! Мне тут бешеная целка досталась!

Паника совсем лишила рассудка. Откуда-то Настя знала, что ожидать стоит только самого худшего. Она бешено вырывалась, ища взглядом Киру. Но та лишь тихо посмеивалась и пританцовывала.

– Тащи ее к огню! Хочу рассмотреть! И шприц принеси!

На слове «шприц» Настя обезумела. Сердце забилось так быстро, что стало трудно дышать, а рот наполнился горечью.

Она закричала, но на этот раз Кира отвесила ей пощечину, от которой зазвенело в ушах и потемнело перед глазами.

Ее куда-то потащили, а потом швырнули на влажную землю. Почувствовав на языке грязь, Настя попыталась отползти, но внезапно что-то укололо ее в шею.

– Вот так… Сейчас станешь послушной…

Перед глазами возникло лицо какого-то парня. Настя дернулась вперед, собираясь расцарапать его ухмыляющуюся рожу, но ее странно повело.

Знакомый женский смех послышался словно в отдалении.

Нет, она не позволит…

Чьи-то руки начали срывать с нее одежду. Настя пыталась сопротивляться, но конечности отяжелели и почему-то совсем ее не слушались. На обнаженную кожу падал холодный дождь, но она чувствовала только разгорающийся внутри жар.

Да что же такое?!

Она должна сопротивляться! Должна бороться…

Странная музыка, звучащая на поляне, вдруг стала громче. Раздался какой-то хлопок, и кто-то закричал.

А потом о ее руку потерлось что-то мягкое и гладкое.

– Ай, тва-а-рь! Поцарапала меня!

Настя взмахнула руками, когда кто-то грубо сжал ее шею.

– Да расслабься ты! Тебе понравится…

Она пыталась ударить этого человека, но его лицо все время расплывалось. А потом он вдруг исчез.

– Да что там такое?!

Над Настей нависла жутковатая серая тень с зелеными глазами. Тихонько мяукнув, тень протянула длинную когтистую руку и погладила Настю по щеке.

Больше она не увидела ничего.

ГЛАВА 1. ДИМА

Когда мы закончили разбираться с отморозками, возомнившими себя колдунами, уже светало.

Я осмотрелся.

Василий Михайлович, мой начальник и, фактически, второй отец, удерживал вырывающуюся дочь. Наташе было восемнадцать или около того. Она только в прошлом году окончила школу. Но вместо поступления в институт вступила в секту этих уродов.

Всех подробностей я не знал, но и того, что рассказал Василий Михайлович, было достаточно. Сначала начались загулы по каким-то подозрительным клубам, потом воровство денег и побеги из дома. Василий Михайлович не говорил, но судя по покрасневшим глазам и самой натуральной трясучке, Наташа плотно подсела на наркоту.

Она дергалась и извивалась, то ли пытаясь изобразить танец, который мы застали, то ли вырываясь из хватки отца. Потом вдруг начала рыдать и тут же истерично расхохоталась.

– Она стала кошкой! Ко-о-ошко-о-ой…

Несколько дней назад она пропала. Ушла из дома, украв все деньги. Перестала отвечать на звонки.

Василию Михайловичу пришлось подключить все связи, чтобы отыскать ее. И даже на это ушло прилично времени.

Теперь любители плясать голышом лежали ровным рядком, уткнувшись мордами в землю. Ублюдки! И без них отморозков хватает. Хуже всего то, что мы не знаем, сколько таких доверчивых и глупых Наташ оказалось под их влиянием. И если бы это не коснулось одного из наших, они так бы и остались безнаказанными. Но теперь их наверняка ждут неподъемные статьи. Михалыч постарается.

– Мой отец – депутат! Вам яйца за такое оторвут!

Один из двоих, кто оставался одетым, оторвал голову от земли.

– Я вас всех запомнил!

Я впечатал его морду в грязь, саданув ногой по затылку:

– Заодно и папашу твоего пристроим.

Михалыч оскалился:

– Будете у одной параши мочиться!

Он злобно сплюнул на землю и встряхнул извивающуюся Наташу:

– Да успокойся ты!

Она продолжала что-то завывать про кошек и хохотать.

Я повидал уже многое. Заложники. Террористы. Пытки. Спецоперации, которые никогда не покажут по телевизору. О которых не будет известно никогда. Но это… Два десятка голых обдолбышей, решивших поиграть в магию, просто выводили из себя.

Вокруг были разбросаны страницы, исписанные кривыми символами, и явно выдранные из книги. В костре горел лошадиный череп. Рядом камнями выложен какой-то символ, вокруг которого лежали еще три черепа.

Сатанисты хреновы.

Я поднял из центра каменного круга чью-то ветровку и протянул Михалычу. Он быстро закутал Наташу, которая снова начала истерить и вырываться.

– Не хочу! Не хочу! Это ее…

Если у меня будет дочь, везде буду водить ее за руку. Да и пацана тоже. Из дома одних не выпущу.

Я усмехнулся. Ну да, если доживу. С такой-то работой.

Послышался шум двигателя, и прямо в рощу въехал внедорожник. Врачи.

Михалыч передал сопротивляющуюся дочку на их попечение и подошел ко мне.

– Спасибо, что выручил.

Я кивнул:

– Без проблем.

– Наши знают, что мы поехали за Наташкой. Но… ты не распространяйся сильно, в каком она состоянии, ладно?

– Могли бы и не просить.

Он тяжело вздохнул и вытер лицо:

– Я знаю, что ты не из болтливых. Просто… Какая же все это жопа… Убил бы. – Он посмотрел мне за спину, а потом сплюнул. – Сгною, ублюдков.

Я снова кивнул. Никогда не умел говорить сочувствующие слова. Понимал, как ему сейчас тяжело, но утешить не мог никак. Все, что было в моих силах, я сделал – помог их взять, не создавая лишнего шума.

Михалыч неожиданно повеселел:

– Смотри, кот!

Я оглянулся. В ворохе чьей-то одежды действительно копошился серый мокрый кот. Видимо, он прятался под курткой, которую я отдал Наташе. Животное озиралось по сторонам, бешено водя головой и покачиваясь на дрожащих лапах.

По ходу, эти выродки собирались еще и жертвоприношение устроить. Больные ублюдки! Развлечений им не хватает. Ничего, будут им развлечения. По самое не могу их развлекут.

– Кис-кис-кис… – Михалыч пошел к коту, который в ужасе шарахнулся в сторону. Лапы запутались в мокрых джинсах, и животное как-то нелепо упало.

Может, он больной? Или его тоже чем-то накачали?

Михалыч поднял кота и закутал в найденную тут же майку.

– Смотри, какой… Бедный… Перепугался, небось.

Я уставился на ворох одежды. Джинсы. Кроссовки. Носки. И красивое женское белье. Намокшее, но все равно привлекающее внимание. Нежно-розовое, ажурное и какое-то… слишком чистое, что ли, для этого места. Я быстро осмотрел всех девушек, лежащих на земле. Все были укурены настолько, что, похоже уснули. Может, чье-то из них? Но как-то мне не верилось, что одна из этих долбанутых идиоток может носить нечто подобное.

– Слушай… – Михалыч ткнул кота мне в лицо. – Забери его, а? У Тони аллергия, она меня на порог с ним не пустит. А кот хороший. Точно не уличный. Чистый. Вроде даже породистый. – Он повертел несчастное животное, которое слабо дернуло лапой. – Хороший же! Эти выбл**ки наверняка собирались над ним издеваться.

Он сунул кота мне в руки, и я автоматически подхватил сверток.

– Давайте его сдадим… куда-нибудь? – Я с сомнением посмотрел на кота. Он осоловело повел головой, ткнулся розовым носом мне в руку, а потом как-то лениво прошелся когтями по пальцам. Вот же!

Михалыч погладил животное между ушей, встопорщив серую шерсть.

– Не надо его сдавать. Он явно домашний. Породистый. Ты его пока у себя подержи, а я найду, кому его пристроить. Ну не могу я, когда с животными… вот так…

Василий Михайлович покачал головой и, не говоря больше ни слова, пошел к внедорожнику, в который грузили Наташу.

Я так и остался стоять на месте, держа в руках дрожащего кота.

ГЛАВА 2. ДИМА

Домой я попал только в десятом часу. После ночной зачистки Михалыч отправил меня отсыпаться, а сам поехал разбираться с компанией отморозков.

Квартиру я купил недавно и даже не начинал в ней обживаться. Некогда. А от мысли, сколько времени нужно убить, чтобы все здесь обставить, становилось уныло. Белые стены, самый дешевый паркет и матрас вместо кровати меня вполне устраивали.

Новостройка была элитной, и в моем распоряжении оказалось почти пятьсот квадратов жилой площади. Я не совсем представлял, зачем мне столько и что со всем этим пространством делать, но точно знал одно: жить в тесноте коммуналки я больше не буду.

Пусть лучше здесь останется пустота и гуляющее среди стен эхо, чем слушать за стенкой чью-то ругань.

Вот как раз и кот, которого по обычаю нужно впустить первым.

Правда, мой неожиданный сосед выглядел совсем уж печально. Может, показать его ветеринару? Серое существо сжалось в комок, дрожало и как-то нервно мяукало. Он что, захлебывается? Или задыхается?

Я поднес его к лицу и посмотрел в круглую морду. У него даже уши уныло повисли. А в голубых глазищах читался явный ужас.

Неожиданно он махнул лапой и хорошенько так мазнул когтями мне по лицу.

– Твою ж мать!

Я отдернул его от себя, радуясь, что когти не угодили в глаз. А вот носу и щеке, кажется досталось. Ну да, на коже уже ощущалась выступающая кровь.

Вот же… Зараза, а не кот.

Я водрузил завернутого в рубашку злюку на стол. Он смотрел на меня практически человеческим взглядом. Удивленным. Даже испуганным. Словно сам не понимал, как так вышло.

Я потрогал его мягкое ухо:

– Ну ты и злющий засранец. Сиди здесь.

Кот моего мнения явно не разделял. То ли фыркнул, то ли мяукнул и возмущенно дернул головой.

Я ушел в ванную и быстро протер царапины перекисью. А здорово он меня цапнул. Такое впечатление, мне прилетело в драке. Края опухли и покраснели. Да уж. Меня редко задавали пули. Как-то везло в этом плане. А вот кот достал.

Что с ним теперь делать? Все-таки, нужно показать ветеринару. И купить ему что-нибудь поесть.

Но когда я вышел из ванной, по окнам во всю хлестал дождь. Снаружи разразился натуральный ураган. Тучи висели настолько низко, что их можно было потрогать.

Сегодня у меня выходной. Ради серого паршивца в такую грозу никуда я не попрусь. День как-нибудь перебьется.

Я посмотрел на его печальную морду. Черт… Он действительно выглядит несчастным и напуганным. Может, его и вправду чем-то накачали?

Я полез в холодильник. Понятия не имею, что едят коты. Пустые полки не изобиловали даже человеческой едой – бОльшую часть времени я проводил на работе. Питался в нашей столовой, и этого вполне хватало.

Но теперь нужно что-то придумать. От моего настойчивого взгляда еда не появлялась. На одной из полок обнаружилось немного колбасы. Сойдет и это.

Я быстро нарезал ее маленькими кусочками и поставил блюдце перед серым злыднем.

Он выпучил глаза и презрительно отвернулся.

– Ешь, если жить хочешь. – Я вытащил его из кокона женской рубашки, расшитой серебряными и голубыми звездами почти такого же цвета, как глаза у серого злодея. – Мне с тобой возиться некогда.

Кот снова фыркнул и ткнул носом блюдце. Кажется, есть он не очень хотел. А что тогда?

Черт!

– Если вздумаешь мне тут нагадить, мигом вышвырну! Прямо с двадцатого этажа!

Он поднял на меня свои голубые глаза. Во взгляде явно читалось презрение. Я был почти уверен, что в тихом мяуканье расслышал отчетливое «Ты – садист»

За окном громыхнул гром. Похоже, мне все-таки придется забыть про выходной и выбраться под ливень.

Но только с серым злыднем. Будем мучиться вдвоем.

***

Никогда бы не подумал, что котам столько всего нужно. Сто видов корма. Лотки. Переноски. Наполнители. Игрушки. Кошачьи игрушки, мать их! Их тут было едва ли не столько же, сколько в детском отделе. Когтеточки, лапочистки и какая-то мятная ерунда, которая даже на вид выглядела подозрительно. Еще и фигня для шлифовки зубов. Тогда он меня не только расцарапает, но и покусает.

Ребенка завести дешевле!

Я изучал тысячный по счету набор из натуральных мятных стеблей, который обещал вычистить зубы и свести питомца с ума от восторга.

Он у меня и так со странностями… Не буду рисковать.

Автопоилка. Пылесос. Чесалка. Радиоуправляемая мышь. О, это точно возьму. Давно хотел купить себе такой вертолет. Начну хотя бы с мыши.

За час хождения между стеллажей я задолбался окончательно.

В результате решил просто сунуть серого засранца мордой в очередную игрушку и спросил:

– Нравится эта штука?

Как ни странно, это дало результат. Маленький хитрый гаденыш явно не привык себе ни в чем отказывать. В конечном итоге пришлось купить ему мягкий дом для сна, уродливого кролика с длиннющими ушами и те самые мятные ветки. Зубочистки.

– Губа у тебя не дура. – Я удобнее перехватил его и направился к кассе.

Неожиданно меня перехватила какая-то старушенция в берете и с двумя детьми, наперевес. Им было лет пять-шесть и они явно намеревались разорвать бабульку пополам, чтобы пуститься в свободное плавание по магазину. Они что-то вопили, дрыгались и тыкали пальцами в разные стороны.

Я посмотрел на серого злыдня. Нет, пожалуй, лучше кот, чем дети.

Бабулька понимающе ухмыльнулась, глядя на мое лицо:

– Это ваш первый, да?

Так и подмывало ответить что-нибудь едкое на этот вопрос, но я сдержался и просто кивнул:

– Ага.

– Какой хорошенький. – Бабулька выпустила руку внука и потянулась к серому подлецу.

Я даже дыхание задержал. Вот если он сейчас потянется к бабке, то распрощаюсь с ним с чистой совестью. Сдам ей, и дело с концом.

Но злыдень меня не подвел. Протестующе замахал сразу обеими лапами. Зашипел. Даже усы встопорщились. Еще и хвостом вдобавок мазнул, отгоняя бабкин палец с длиннющим ногтем.

Молодец! Мой боец.

– Какой свирепый. – Бабка довольно заулыбалась. – Не кастрированный еще?

Э-э-э… понятия не имею. Но вряд ли решусь подвергнуть малыша еще и этому. У него и так видок страдальческий. Как будто он все пытки мира перенес. Лишать его последней радости я не буду.

Словно понимая, о чем речь, кот затрясся и снова выпустил когти. Прямо в мое запястье. Вот же гад!

Я неопределенно пожал плечами и на всякий случай прижал мелкого вредителя к груди. Кот тут же вцепился в мою толстовку и почти повис на мне. Ага, не хочет лишаться надежды стать отцом.

Я прикрыл его курткой и на этот раз твердо помотал головой:

– Нет.

– Надо! Надо их кастрировать. Они тогда совсем другими людьми становятся.

Я хмыкнул:

– Это уж вряд ли.

Другими людьми… Точно психованная кошатница! Надеюсь, к тому сроку, когда Михалыч найдет семью серому засранцу, я не стану таким же.

– Точно говорю! Вот обрежешь ему все и увидишь. И на корме не экономь. Он у тебя, вроде, породистый. Деликатесы любит. Звать как?

Даже не задумываясь ответил:

– Серый Злыдень.

Бабка посмотрела на меня, как на психа, и я, улыбаясь, пояснил:

– Серый – это фамилия.

***

Бабулька оказалась прилипчивой. Снабдила меня кучей нелепых указаний, которые я никогда в жизни не буду выполнять, и номером своего телефона – на случай, если нужен будет совет.

Устраивая Злыдня в его новом мягком доме, я даже не подозревал, что вскоре мне действительно придется звонить бабке.

Я уложил Злыдня на подушку и сунул в уютное нутро. Дом, или постель, или люлька, понятия не имею, что это, была сшита из какой-то мягкой ерунды и имела форму тыквы с двумя дырками вместо глаз, в которые «питомец мог наблюдать за окружающим миром». Так гласила надпись на упаковке.

Мой питомец наблюдать за миром совершенно не хотел. Уныло пялился на меня и даже не мяукал.

Нет, какой-то он все-таки странный. Надеюсь, Михалыч скоро найдет кого-нибудь, кому можно будет поручить серое недоразумение.

Я уложил в дом-тыкву уродливого зайца, который, словно только что сбежал с того самого чаепития.

Злыдень подгреб зайца под себя, ткнулся в него носом и улегся сверху, грустно мяукнув.

И вот что мне с ним делать?

Странно, но с этой оранжевой фигней и котом внутри моя собственная квартира начала выглядеть какой-то более… живой, что ли. Уютной. На пару секунд я даже пожалел, что так и не обустроил тут все.

А потом мне позвонил Михалыч, и выходной закончился, так и не начавшись.

ГЛАВА 3. НАСТЯ

Итак, я кошка… Это не галлюцинации, не психоз и не шизофрения. Я действительно стала кошкой. Чтобы осознать это, мне потребовался почти месяц. Точнее, я думаю, что прошел месяц.

Не знаю, как свыклась с этой мыслью. Как приняла. И как осознала.

Я верила в мистику. В то, что существуют порчи, привороты и карма. Но не превращения в животных!

Первое время я искренне считала, что сошла с ума. Скорее всего, меня жестоко изнасиловали и на почве всего этого я представила себя животным. Но как ни старалась, ничего подобного вспомнить не могла.

В памяти осталась только жутковатая серая тень, нависшая надо мной и свистящая что-то непонятное.

В следующий раз, когда я открыла глаза, то… мир изменился. Я поняла, что не могу произнести ни слова. Каждый раз, когда открываю рот, из него вырываются какие-то странные звуки.

Все вокруг казалось огромным. И я чувствовала непонятные вещи, которые не могла осознать.

Сначала все было, как в тумане. Седой суровый мужчина, от которого как будто расходились волны бесконечной усталости. Он был первым, кого я увидела.

Потом появился Он… Странный. От таких я всегда старалась держаться подальше. Привлекательный. Даже красивый. Но за смешливыми морщинками в уголках его глаз крылось что-то темное. Он был опасным человеком. Привыкшим к боли и умеющим убивать. Откуда-то я точно знала, что он постоянно находится там, где много смертей и грязи, много крови.

Откуда мне это известно?! Почему глядя на то, как он улыбается, я чувствую его боль и напряжение?

Я долго не могла понять, кто этот человек. Почему он кажется таким большим по сравнению со мной и почему называет меня Злыднем?

Я вообще не могла понять, что происходит вокруг. Он куда-то меня нес, тряс и все время заглядывал мне в глаза. Когда его лицо оказывалось слишком близко, меня накрывало звуками взрывов и рвущих душу криков.

Может, он маньяк? Садист? Один из тех, к кому меня заманила Кира?! Где сестра? Куда вообще пропали все? И почему вокруг столько высоких белых стен?

Я оказалась в безликом жутком лабиринте.

Когда лабиринт сменился бушующей стихией, стало немного легче дышать. Грохот грома завораживал. И больше всего на свете захотелось не понять почему я вижу вместо рук четыре кошачьих лапы, а сидеть где-нибудь в укрытии и слушать гром. Наблюдать за тем, как с неба обрушивается ледяная вода.

Когда мы оказались в огромном шумном магазине, я начала осознавать…

Он прижимал меня к широкой теплой груди и просил выбрать какие-то странные штуки, о предназначении которых я даже не догадывалась. Меня снова накрыла странная апатия.

Я не понимала, что происходит, почему не могу сказать ни слова, кто этот человек… Только при виде полубезумного кролика с длиннющими ушами, я немного очнулась. Точно такой же был нарисован на книжке… Я не помнила, что это за книжка, но чувствовала, что она почему-то важна для меня.

Странно, но кажется я стала обладательницей этого кролика.

Осознание приходило медленно. Наверное, все дело было в гадости, которой меня накачали.

Сначала я думала, что это наркотический бред, но потом… Потом начала понимать, что бред не проходит. Изо дня в день я видела одно и то же. Ничего не менялось!

И в какой-то момент в голове просто щелкнуло: я в самом деле стала кошкой. Кошкой!

Тогда у меня случилась самая настоящая истерика. Я пыталась вырваться из крошечного тела, которое стало клеткой. Металась в лабиринте, натыкалась на стерильные белые стены, кричала… Но издавала лишь истошные кошачьи вопли, от которых самой становилось тошно.

Только когда осознала, что раздираю когтями человеческую кожу, немного пришла в себя.

Я поранила ЕГО.

И снова перед глазами оказался тот мужчина. Он пах осенней горечью и тоской. Грозой, которая меня недавно заворожила. Громом, который хотелось слушать.

Я начала прислушиваться к тому, что он говорит. Оказалось, я понимала человеческую речь. Хоть он и мало со мной общался. В основном ругался, что я неблагодарный серый злыдень, что нужно выбросить меня на улицу и что я –

кот-психопат.

С этого момента все изменилось. Я начала осознавать происходящее. Да, я действительно каким-то диким образом превратилась в кошку. Это не наркотики и не галлюцинации. Этот мужчина не садист из парка. Наоборот – он меня спас и теперь пытается обо мне заботиться. Его попросили это сделать, и как только найдутся люди, готовые меня забрать, он с радостью отдаст им припадочного кота.

Еще я узнала, что у меня есть Дом – огромная мягкая тыква с уютной подушечкой, на которой было невероятно классно спать. В тыкве поселился и мой сосед – мартовский заяц. Мягкий и пушистый. Иногда в припадке ярости и обиды на свою судьбу, я запускала в бедолагу когти, так что через пару дней нашего соседства он и вправду выглядел безумным.

Но уж лучше я буду царапать его, чем своего временного… Язык не поворачивался назвать ЕГО «хозяином».

Я узнала, что его зовут Дима. Оказывается, мне очень нравится это имя. И ЕМУ оно невероятно шло.

Точно не знаю, чем он занимался, но кажется это как-то было связано со спецназом или чем-то таким. Он рисковал своей жизнью. Постоянно пропадал. У него было оружие. И часть свободного времени он проводил то колотя грушу, то отжимаясь.

У него было странное чувство юмора. Иногда немного злое, иногда ироничное. Но каким-то шестым чувством я понимала, что это своеобразная защита от того, что он видел на своей работе. Чем больше времени мы проводили вместе, тем я отчетливее понимала… Теперь я знала точно: он убивал. Много раз.

Но он не был жестоким. Наоборот. Я чувствовала его боль от того, что ему приходится это делать. Ощущала его переживания. Наверное, это теперь часть меня самой – чувствовать людей таким вот образом.

Как будто я знала, что у них на душе. Не только у Димы.

Вообще, мне стоит поблагодарить судьбу за то, что оказалась у него. Когда он решит меня отдать, мне придется нелегко. Я запрещала себе привыкать к нему, но…

Но с ним было очень хорошо. Спокойно. Уютно. Я была под защитой. Он действительно был тем, кто встанет между тобой и бедами непроходимой стеной.

Он заботился обо мне. Баловал. Покупал все эти странные кошачьи штуки, играл со мной, пуская по полу шуструю черную мышку с забавными розовыми ушами. Когда вспоминаю свою реакцию, когда он сделал это впервые, всегда хочется смеяться.

Он запустил мышь и выжидающе уставился на меня. А я – на него, не понимая, чего он хочет.

– И все? Не побежишь за ней? Ну ты и ленивый паразит. А если у нас заведется настоящая? Это ты должен за ними охотиться.

Я хотела ответить ему, что когда на двадцатом этаже заведутся мыши, нужно будет реально беспокоиться, но смогла только глупо фыркнуть. А потом вдруг осознала… Он сказал «у нас». А если у нас заведется мышь… Я стала частью его семьи?

Господи, это так глупо… Я всего лишь кошка… От этого хотелось плакать. Но пришлось взять себя в руки и изображать вялую неправдоподобную охоту за черной мышью.

Наверное, это ненормально, но я ощущала себя самой несчастной и счастливой одновременно.

Очень часто, когда он возвращался домой, я чувствовала, как от него веет болью. В такие моменты я хотела забрать хотя бы часть этой тяжести себе, чтобы хоть так отплатить ему за заботу.

Дима садился на диван, включал свой любимый канал о рыбалке, а я забиралась к нему на колени и вытягивала из него черную нить отчаяния. Это было похоже

на… даже не знаю… как будто мне дали клубок из самой мягкой шерсти на свете. Играть с этим клубком было тем, ради чего вообще стоило жить!

Не знаю, откуда у меня появлялись такие мысли. Теперь вообще многое виделось иначе. Все мои прежние мечты казались далекими и неосуществимыми, а вот мятные веточки… мне срочно нужна одна из них!

ГЛАВА 4. НАСТЯ

Беда пришла неожиданно. Дима уезжал в очередную свою командировку. Не знаю, куда он ездит, но уже заранее готова к тому, что приехав, он будет чувствовать себя ужасно.

Вот только побеспокоиться следовало о себе.

Собрав свои вещи, Дима принялся за мои. Он достал переноски. Переноску! Это очень плохо. Очень-очень. Ужасно!

Если появляется эта жуткая штука, значит, он уезжает надолго. А если надолго, то меня ждет…

Нет! Нет-нет-нет! Только не эта старая противная ведьма, у которой вся квартира провонялась кислятиной.

И не ее внуки! Я не выдержу!

– Так, иди сюда! – Дима потянулся ко мне, но я успела отбежать в сторону. – Слушай, ну перестань. Что с тобой стряслось?

Что стряслось? ЧТО СТРЯСЛОСЬ?! Это не на тебе будут выстригать слово «лох». И не тебя покрасят желтой гуашью. И не тебя будут плюхать на старческие скрипучие колени, потому что ты, видите ли, можешь лечить ревматизм. Не пойду я к старой карге. Не пойду!

– Так, Злыдень… – Дима упер руки в бедра и строго посмотрел на меня. – Если ты сейчас же не угомонишься… оставлю тебя у Клавдии Семеновны на

перевоспитание. На месяц.

Нет! Вот же предатель! Гад! Никогда не прощу его за это.

Сейчас ты у меня получишь настоящего Злыдня. Я подождала, пока он приблизится, и с мстительным мяуканьем вогнала когти ему в запястье. Если бы дотянулась, то и по лицу бы получил.

– Да что с тобой такое? Меня не будет несколько недель. Я не могу оставить тебя одного!

Можешь, еще как можешь! Но я не знала, как это сказать. Мне достаточно миски с водой. Больше ничего не надо, но только не туда. Не туда-а-а! Пожа-а-алуйста… Я не выдержу.

Где он вообще выкопал эту бабку?!

Стоп! Несколько недель? Обычно, его опасные командировки длились максимум неделю. С чего вдруг сейчас уезжает так надолго? Может, отпуск? С женщиной. Да нет, я бы знала…

Не то, чтобы он передо мной отчитывается – просто мне точно было бы известно, встречайся он с кем-то. Почти все свое свободное время он проводил со мной. Даже по городу гулял, беря меня с собой.

– Эй, ну ты чего? – Диме все-таки удалось добраться до меня. Пока размышляла о его женщине и чем ее появление грозит мне, потеряла бдительность, и позволила взять себя на руки. – Я тоже не хочу тебя отдавать. – Ну так и не отдавай! – Время пролетит быстро. Ты даже не заметишь. У Клавдии Семеновны ведь весело. У нее внуки – будет кому с тобой поиграть.

Я все-таки дотянулась до его лица. От души расцарапала подбородок, чтобы помнил, какое преступление совершил.

Они же садисты, а не дети! В прошлый раз пытались меня поджечь. А еще привязывали пустые консервные банки к хвосту. И остригали усы.

А мой чудесный домик-тыковка? Как я без него? И сумасшедший зайчишка… Не хочу-у-у-у!

– Ты же Злыдень. Вот и ведя себя так с ними. Слушай, я понимаю… Правда.

Ничего ты не понимаешь!

– Но в гостиницу я тебя не отдам. Я читал, как там обращаются с животными. Хочешь, чтобы над тобой издевались? Или потеряли?! Или продали другому хозяину?

Черт! Ну вот черт же! Надавил на самое больное… Неужели… беспокоится обо мне?

Я отогнала ненужные мысли. Лучше сосредоточиться на том, чтобы выжить. И все-таки… почему так надолго?

Неужели, у него кто-то появился?

– Успокоился? Вот и молодец. Когда вернусь, накуплю тебе много классных кошачьих штук. Любых, каких захочешь. – Дима погладил меня между ушами. Не знаю, как ему это удавалось, но в груди родилось предательское урчание. Надо бы снова его царапнуть – чтобы не расслаблялся – но я не смогла даже пошевелить рукой, то есть лапой. Только хвост довольно болтался из стороны в сторону, не подчиняясь моей воле.

Вот же!

Пришлось терпеть, когда он наиграется. Все, что меня сейчас интересовало, – его сумка. Нужно хорошенько изучить содержимое. Если он собирается на отдых с женщиной, то что-то должно быть…

Дима выпустил меня, и я бросилась к его собранной сумке, оставленной в прихожей. Что я ожидала найти? Презервативы? Какой-нибудь подарок, который можно подарить только женщине?

Может, он их где-то прятал? Эти дурацкие лапы совсем не помогают. В сумке были только Димины вещи, пропитанные легким ароматам его туалетной воды и свежестью стирального порошка.

– Вот ты где?! – Дима вытащил меня из сумки и потерся щекой о мою голову. – Решил спрятаться и поехать со мной? Я бы тоже хотел, чтобы ты отправился со мной. Но нельзя.

Мало того, что какие-то уроды превратили меня в кошку, так еще и единственный человек, который обо мне заботится, уезжает. А как же наши совместные посиделки? Просмотры нудных передач про рыбалку? Прогулки под дождем по вечернему городу? Тихая музыка, разносящаяся по всей квартире, пока он делал свои бесконечные отжимания? Кулинарные вечера, когда Дима хотел приготовить что-то новое, но ничего не получалось, и мы ели прямо с разделочной доски нечто непонятное и сумасшедшее на вкус?

Если бы я была человеком, то расплакалась бы.

Нет… Если бы я была человеком, мы бы и не встретились.

Я не выдержала и вцепилась в него когтями. Знала, что ему будет больно, что наверняка пораню через тонкую ткань футболки, но ничего не могла поделать. Я не хотела его отпускать.

Где-то далеко остались родители, которые наверняка в отчаянии от того, что я пропала. Но я даже не могла сообщить им, что со мной все нормально.

А Дима был рядом. Не давал лишиться рассудка. Удерживал в этом мире.

– Ну, брат… Ты чего? Я тоже буду скучать.

Он обнял меня. Я знала, что это просто жест хозяина, оставляющего своего питомца. Наверное поэтому я возненавидела его. За то, что он такой… идеальный. Как будто книжный персонаж. Или герой фильма. Мужчина, у которого просто нет недостатков. И который никогда не будет принадлежать тебе. Потому что, даже прожив тысячу жизней, ты не сможешь приблизиться к этому идеалу. Я возненавидела его за то, что впервые ощутила радость быть

кошкой. Будучи девушкой, я бы не смогла встретить его. И вряд ли бы он обратил на меня внимание. Но кошкой… я получала его всего.

Наверное, поэтому все коты такие эгоисты. Они думают, что хозяин будет вечно принадлежать лишь им одним.

Хозяин… Я все-таки назвала его так.

Это будут очень долгие недели…

ГЛАВА 5. НАСТЯ

Он не возвращался. Прошло уже двадцать дней, если я правильно посчитала, а его все не было.

Я еще никогда не ощущала такой тупой тоски. Мне даже стало все равно на издевательства двух малолетних садистов, которые чего только не вытворяли.

Чувство было таким, словно жизнь закончилась, и дальше ничего. Только пустота.

Он ведь обещал, что уедет на две недели. Только на две! Он кого-то встретил? Развлекается с какой-нибудь сучкой, а про меня и думать забыл? Или… он обманул меня. Оставил с этой старухой и больше не хочет забирать? Избавился от навязанного питомца.

Первое время я верила, что он вернется. Каждый день Клавдия Семеновна фотографировала меня и отсылала снимки Диме. Видимо, он потребовал, чтобы она это делала. Даже ее внуки немного успокоились и не применяли ко мне свои садистские пытки.

Но потом… Потом был какой-то разговор. Я знала, что Дима ей звонил. Но пришлось прятаться под диваном, чтобы меня не обмотали бинтами, – детишки решили поиграть с мумифицированной кошкой – и я прослушала, о чем они говорили.

После этого звонка Клавдия Семеновна помрачнела. Я несколько раз ловила на себе ее задумчивые взгляды и сокрушительное покачивание головой.

А сегодня приехала ее дочь. Мне снова пришлось прятаться то в ванной, то под диваном, но обрывки их разговоров до меня долетали.

Клавдия Семеновна и ее худосочная, остервенелого вида дочка, собирались запустить ногти в моего Диму. Они что-то планировали. Случайное знакомство или нечто в этом роде.

Я даже выбралась из своего укрытия, чтобы внимательно рассмотреть Каргу Младшую. На вид ей было лет под сорок. Она была жутко худой и костлявой. Я попыталась вспомнить, как выглядела до того, как стала кошкой. Всегда считала себя стройной, но до Карги Младшей мне было далеко.

Волосы у нее были прямые и длинные. Мои – чуть ниже плеч. Волнистая копна, с которой иногда невозможно было совладать. Волосенки Карги казались жиденькими по сравнению с моими. Может, я придираюсь?

А еще она была так ярко накрашена, что на ум сразу приходили маленькие девочки, дорвавшиеся до маминой косметики.

– Ты у меня красавица! Даже не сомневайся! – Карга Старшая что-то жарила на кухне, пока Карга Младшая накладывала сотый слой помады.

Лучше бы своими детишками занялась. Они, кстати, подозрительно притихли. Я даже подумала совсем выползти из-под дивана, но потом передумала. Мало ли что они замышляют… Нельзя терять бдительность.

– Ты смотри у меня! Такого мужика упускать нельзя. – Карга Старшая выглянула из кухни. – Делай что хочешь, но в постель его замани. Даже если не залетишь, я уже договорилась с Зоей. Справку она сделает. А Димка – парень приличный. Он своего дитя точно не оставит. Женится, как миленький. А там уже и натурально заделает тебе ребенка.

Чего?! Да она в своем уме?! Я приготовила когти. Чертовой бабке живой не уйти!

– Хватит меня учить. – Карга Младшая одернула уродливую блузку, чтобы была видна грудь. Фу, мерзость какая. – В прошлый раз твои советы привели к этим двоим. Семь лет уже не могу их никуда пристроить.

– Да потому что дура! Слушать меня надо было и предохраняться. Зоя на подхвате. Ничего, Димку женишь на себе, и этих пристроишь.

Мысленно я уже исполосовала обеих на кровавые ленты. Вот же гадюки. Дима тоже хорош! Нашел, к кому обратиться.

Только сейчас до меня дошло. Он не отдал меня! Не оставил на попечение этой прошаренной бабке! Он должен скоро приехать и забрать меня…

Звонок, разнесшийся по всей квартире, буквально выдернул меня наружу. Я знала, кто стоит за дверью. Чувствовала нити черноты и боли, расползающиеся паутиной в разные стороны. Даже его запах проник сюда, заставляя меня жадно вдыхать аромат грозовой свежести.

Он пришел! Вернулся за мной. Не забыл. Теперь он точно не оставит меня здесь – такой мысли я даже не допускала. Он пришел, чтобы забрать меня домой.

Ему очень больно. И тоскливо. Он нуждается во мне. Только я смогу помочь – вытянуть черную нить, обвивающую его душу темным коконом. Только я смогу свернуть эту нить в клубок – мягкий, пушистый и совсем не страшный.

Когда Старая Карга распахнула дверь, между мной и Димой оставалась лишь пара жалких метров.

И он сам преодолел это расстояние. Не сказал ни слова. Просто опустился на корточки и подхватил меня на руки. Такой теплый, родной и знакомый. Безумно печальный и одинокий.

Я вцепилась в него изо всех своих скудных сил. Если бы могла, обвила бы собой.

– Ну как ты, брат? Скучал по мне? Да? Ждал?

Я царапала ткань его футболки и мурлыкала что-то невразумительное. Может, он расслышит, может, поймет, мой ответ? Да! Да, я очень скучала. Безумно.

Так скучала, что уже отчаялась его увидеть и напридумывала себе невесть чего. Скучала до безумия и грызущей душу тоски.

Я прижималась к Диме так, словно он единственный остался на земле. Единственный родной и близкий человек. Единственный, кому я могу доверять и на кого могу надеяться.

– Скуча-а-ал, да-а-а… И я по тебе…

Его грудь слегка вибрировала от каждого сказанного слова. Во мне что-то отозвалось. Я тоже ответила. Тихонько замурчала в ответ.

Словно круги на воде от брошенного камня, от Димы исходили волны боли. Я не понимала, что у него болит, но чувствовала это как нельзя отчетливо. А еще я чувствовала тоску. Такую же сильную, как у меня. Безудержно острую, от которой хочется выть.

Кто заставил его так тосковать? Кто причинил боль?

Я заглянула в его лицо, пытаясь сказать, что буду защищать его. Изо всех своих сил.

Вблизи было видно, как он похудел и осунулся. Щеки впали, а под глазами залегли темные круги. Несколько дней он не брился, и от щетины теперь выглядел болезненным. Я потерлась о колючую щеку.

– Что-то ты схуднул, да? Ничего… я тебя откормлю…

И это он мне говорит? Сам стал похож на палку.

– Да где ж он схуднул, Димочка? – Старая Карга попыталась выхватить меня из Диминых рук, но он не дал. – Я ему лучший корм давала! Половину пенсии пришлось отдать.

Все еще держа меня у груди, Дима умудрился вытащить бумажник и достать из него несколько купюр. Я рассмотрела две розовых бумажки. Десять тысяч? Десять тысяч?! Этой мерзкой бабке, которая кормила меня подгоревшей кашей и засохшим хлебом?!

– Надеюсь, этого хватит. – Дима развернулся, унося меня из провонявшейся квартиры.

– Стой-стой, Димочка! А игрушки Злыдня? Да и ты голодный, небось, с дороги? Заходи, накормлю пирожками. Только испекла. Горяченькие еще. Ой, а дочка моя такой чай привезла. С цветочками. Ты такого точно не пил. Под пирожочки…

– Спасибо, Клавдия Семеновна, но я только приехал. Устал ужасно. Спать хочу.

– Так ты перекуси сначала, а потом у меня и приляжешь. А то в таком состоянии еще и за рулем, небось.

– Спасибо, но не нужно. – В голосе Димы звучали стальные нотки. Так он говорил, когда был настроен категорично и не собирался уступать. Сразу повеяло жесткостью и властностью.

– Ну как же так?..

Ага! Получила, Старая Карга? Жертва не заглотила наживку?

– А как же игрушки Злыдня? Ты хоть подожди, я соберу…

– Не нужно. Я потом зайду. Не утруждайте себя. И извините, что не смог забрать Злыдня вовремя.

– Да что ты! Не извиняйся… Но как же так… Мне прям неудобно тебя отпускать…

Старуха в панике осматривалась, а я не смогла сдержать довольное хихиканье, которое превратилось в странный булькающий звук.

Неожиданно в прихожую вплыла Карга Младшая.

– Мама, кто пришел?

Стерва! Делает вид, что не при делах.

– И-и-иронька… – Карга тут же приняла вид бабки-одуванчика. Вот только совсем не божьего. Дьявольский сорняк! – А это вот Димочка. Наш любимый Злыдень – его кот.

– Димочка, это моя дочь – Иронька. Тоже только что вернулась из командировки.

То, что я ощутила… Нет, это не ревность. Совсем не она. Я ведь прекрасно понимаю, что… Тяжело было себе в этом признаться, но мое будущее оборвалось в том парке. Как вернуться обратно, снова стать человеком – я не знала. Что случилось, когда меня пытались изнасиловать – я тоже не знала. Все, что я могла… Да ничего я не могла. Только держаться за Диму и молиться, чтобы он не отдал меня. Все, что мне остается, – быть домашним питомцем.

То, что Дима ни с кем не встречается, – вопрос времени. Может, у него кто-то появился. А даже если нет, то это лишь пока. Однажды в нашей квартире – в его! его квартире – поселится девушка. И мне остается надеяться, что она будет любить кошек. Или хотя бы не будет ненавидеть или страдать аллергией.

А еще я надеялась, что она будет ЛЮБИТЬ Диму.

– А-а-а, так этот кот ваш? Тоже любите кошек?

Голос «Ироньки» привел меня в чувство. Кого бы ни выбрал Дима, пусть их будет хоть сотня, но только не ее.

– Нет. Я не люблю кошек. Ненавижу.

Я уставилась на Диму. Мне послышалось? Нет, судя по вытянувшимся лицам Старшей и Младшей Карги, они тоже слышали это.

Пока я раздумывала дать ему лапой по лицу сейчас или подождать до дома, Дима добавил:

– Я люблю только этого кота. Спасибо, что присмотрели за ним. – Он холодно кивнул Клавдии Семеновне и развернулся, стремительно сбегая по лестнице.

Мы уходили из этой вонючей квартиры. От старухи, ее внуков-садистов и охотницы за мужьями – дочки.

Дима не забыл про меня. Вернулся.

Не такая у меня уж и плохая жизнь.

ГЛАВА 6. ДИМА

Никогда не думал, что буду так скучать по этому странному коту. Скучать… Да я места себе не находил от беспокойства. Когда пришел в себя в нашем военном госпитале, первой мыслью была мысль о Злыдне. Как он без меня? Не вышвырнет ли пронырливая старуха его из дома? Будут ли о нем хорошо заботиться?

Я с трудом долежал положенный срок. Какого черта вообще происходит? Места себе не нахожу из-за серого клочка шерсти с паршивым характером.

Только увидев, как он несется ко мне, похожий на маленькую грозную пантеру, я немного успокоился.

– Она тебя что, голодом морила? – Я посмотрел в умные голубые глаза Злыдня.

Совершенно отчетливо он кивнул и ткнулся мордой в мой живот, безошибочно находя место ранения. Мне тут же стало легче. Как будто… даже не знаю, как это объяснить… Но Злыдень словно вытягивал боль, которая стала моим постоянным спутником с того момента, как мне перестали давать обезболивающие. Она билась в животе вместо пульса и не давала спать по ночам.

Но Злыдень как будто унял чертову боль. Или вытащил ее из меня.

Может, я просто придумал все это? Но ведь говорят же, что кошки могут лечить боль. Может, мой Злыдень, как раз такой чудесный кот? Надо хоть в интернете поискать.

Я усмехнулся собственным мыслям и погладил его худое тельце. Злыдень тихо мяукнул и снова прижался к моему животу. Он сидел у меня на коленях и дрожал всем своим крошечным тельцем. Как будто за время моего отсутствия даже уменьшился в размерах.

На светофоре зажегся желтый, и пришлось затормозить. Пока машины скапливались в пробку, я снова посмотрел на Злыдня. Он выглядел почти таким же болезненным, как и я. Уставшим и тощим. А на шерсти в некоторых местах виднелись… подпалины?!

Что эта бабка делала с моим котом?! До того, как загремел в госпиталь, я заставлял ее каждый день присылать мне фото Злыдня. Но после уже не мог контролировать ее.

– Плохо тебе с ней было?

Злыдень печально мяукнул и снова потянулся к моему животу. Он действительно что-то чувствует!

Я осмотрелся, пытаясь понять, как развернуться, чтобы вернуться и оторвать чертовой бабке голову за то, что довела Злыдня до такого состояния.

– Потерпи, брат. Сейчас мы вернемся, и эта старая дрянь все мне расскажет.

Злыдень неожиданно с такой силой вогнал мне в руку когти, что я даже вздрогнул. На коже выступили капельки крови. Он будто пытался меня остановить и не дать повернуть руль.

Мы уставились друг на друга, и меня вдруг бросило в холодный пот.

– Не хочешь возвращаться к ней?

Злыдень мотнул головой и дернул хвостом.

– Ты меня понимаешь?

Кажется, даже сердце стучать перестало, пока я ждал его реакции. Неужели, мне достался особенный кот? На моей работе я видел многое. Такое, что ненароком начинаешь верить и в черта, и в Бога.

Злыдень несколько долгих секунд смотрел на меня своими голубыми глазищами, словно решал, стоит отвечать мне или нет, а потом снова тянулся мордой в живот.

На пару секунд я ощутил разочарование. Я ждал, что он кивнет! Как было бы круто иметь разумного кота. Боже, как будто мне десять лет… Общения, что ли, не хватает. Может, действительно сходить куда-то? Отвлечься? Отдохнуть.

Беда в том, что я действительно нуждался в отдыхе. В таком отдыхе, когда приходишь домой, падаешь в кровать и спишь до тех пор, пока не заболит все тело. А потом целый день слоняешься по квартире от холодильника к телевизору, не побрившись и не расчесавшись.

Именно так мне хотелось провести хотя бы пару дней. Пялиться в стену и чувствовать под рукой мягкий мех Злыдня. Он оказался идеальным соседом. Разделил мою любовь к рыбалке, не привередничал в еде и с таким нелепым видом гонялся за радиоуправляемой мышью, что я хохотал на весь дом. Совершенная жизнь.

Я погладил Злыдня и предпринял еще одну попытку «разговорить» его. Вдруг, он все-таки разумный, но скрывает это?

– А хочешь, мы тебе что-нибудь купим? С поездки, обычно, сувениры разные привозят… А я тебе ничего не привез. Никудышный я хозяин, да?

Мне тридцать четыре года, а я сижу в машине, жду пока пробка сдвинется с мертвой точки и искренне надеюсь, что мой кот заговорит со мной человеческим голосом и начнет убеждать в том, что лучшего хозяина у него не было и быть не может, что никуда он от меня не уйдет и что будет предан мне до конца своих кошачьих дней. И умрет со мной в один день, скончавшись от тоски из-за моей смерти.

Я чокнулся.

Злыдень снова взглянул на меня, кивнул, как-то насмешливо мяукнул и снова уткнулся в мой живот.

Нет! Он издевается надо мной!

– Значит, никудышный, да?! – Я дернул его за ус, заставляя посмотреть на меня. – Тогда ничего я тебе не куплю.

Злыдень презрительно фыркнул и перебрался на соседнее кресло, мазнув по моей руке хвостом. Рана тут же заныла с новой силой. Вот же хитрый гад. Наверняка знает, что он – лучшее обезболивающее в мире, и теперь будет меня шантажировать этим.

Точно Злыдень. Не ошибся я с кличкой.

Но мне было так хреново и тоскливо, что я признал свой проигрыш в этой неравной битве.

– Да ладно, я же просто так сказал. Иди сюда.

Я перетащил его обратно себе на колени. Злыдень благосклонно сменил гнев на милость и снова ткнулся в мой живот. Боль исчезла почти моментально. Все-таки, у меня волшебный кот. И отличный друг.

Но хитрому засранцу я об этом ни за что не скажу.

ГЛАВА 7. ДИМА

Это я получил чертово ранение и провалился уйму дней на больничной койке. Так какого черта Злыдень смотрит на меня таким укоризненным взглядом? И почему я чувствую себя виноватым?

Виноватым настолько, что останавливаюсь возле зоомагазина и, сунув Злыдня за полу куртки, иду внутрь.

Продавщица приветливо улыбается и раздражающе заискивает. Пытается прилипнуть ко мне, но я огорошиваю ее сообщением о том, что мой кот все выберет сам. Наверняка она мысленно покрутила пальцем у виска, но мне плевать. Она еще предпринимает попытки увязаться за мной, но меня это почему-то раздражает.

Мне нужен тихий спокойный вечер дома. В мужской компании. Со злобным котярой, который понимает все, что я говорю. Меньше всего сейчас хочется тратить силы на женщин.

Мне снова становится не по себе. Это… старость? Почему я равнодушен к девице, которая готова вскочить на меня хоть сейчас? Не скажу, что такие меня привлекали, но сейчас это даже не льстит. Рассматривая десяток чесалок для меха и ожидая, пока Злыдень ткнет в какую-нибудь из них лапой, я понимаю, что предпочту вечер в его компании, чем часы секса.

Это… печально. Но в то же время понимаю, что мне все равно. Да, иногда необходимо скинуть напряжение, особенно по утрам. Но это не стоит того геморроя, который принесет с собой женщина. Лучше обойдусь рукой. Звучит до ужаса стремно. Какое-то у меня стариковское настроение.

Девица снова клеится и активно демонстрирует накаченные губы. И почему-то мне становится противно от мысли, что она может делать этим ртом. Нет уж, лучше вечер рыбалки на диване. Вместе с котом.

Когда мы выходим из магазина, Злыдень довольно мурчит мне в грудь. Я понимаю, что прижимаю его к себе, как ребенок – любимую мягкую игрушку. Наверное, коту больно от того, что я его так стискиваю, но ничего не могу с собой поделать. Боль, когда чувствую его тихое урчание, уходит. Даже усталость отступает. И это стоит всех чертовых пакетов с кошачьими штуками, которыми теперь завалено заднее сидение моей машины.

На женщину пришлось бы потратить столько же. А пользы точно было бы меньше, чем от кота. По крайней мере, она точно не смогла бы снять чертову боль, просто прижавшись ко мне.

Ну все. Я стал хреновым старпером.

***

– Сейчас мы узнаем о тебе всю правду… – Я улегся на матрас и пристроил на коленях ноутбук.

Злыдень, мирно сопящий в доме-тыкве лениво приоткрыл глаза и иронично фыркнул. Издевается, мелкий гаденыш.

Я постучал рукой по животу:

– Давай, иди сюда. Я же знаю, что ты соскучился, пройдоха.

Удивительно, но Злыдень выбрался из своего убежища и лениво поплелся ко мне. Я потянулся и перетащил его на себя.

– Я тоже скучал, брат.

Злыдень уже знакомо мяукнул, потоптался на моем животе и улегся точно туда, где затягивались швы. Вот откуда он узнал? Точно волшебный кот.

Так и вбил в поисковик.

Злыдень несколько раз поднимал голову и лениво смотрел в экран, а потом на меня. Я же погрузился в изучение котов. Египетская богиня, киношная женщина-кошка. Все не то.

Коты в фольклоре и язычестве. Я пробежал глазами несколько статей.

Йольский кот. Вымахавший размером с быка и поедающий всех лентяев, не разжившихся шерстяной вещичкой. Я взглянул на Злыдня. Нет, это точно не про него.

Кат Ши. Ирландская ведьма, живущая в облике кошки. Если провести какой-то странный ритуал, то она явится к колдуну и ответит на любой его вопрос.

Злыдень – ведьма, служащая дьяволу? Если это так, то мой кот очень хорошо маскируется. Он даже за мышью охотится так, будто делает мне одолжение. Хотя, может с дьяволом он расторопнее?

Я рассмеялся, потревожив Злыдня, который недовольно заворочался.

– Прости, брат. Спи-спи.

Лезет же в голову всякое. Наверное, у меня слишком много свободного времени, если трачу его на подобную ерунду.

И все-таки, я кликнул по следующей ссылке.

Кот Баюн. Живет в мертвом лесу, где нет ни зверей, ни птиц. Он рассказывает сказки забредшим путникам, усыпляет их песнями, а потом убивает железными когтями. Тех же, кто смог ему противостоять, он излечивает от болезней и дарует им молодость.

Я погладил Злыдня, утопив пальцы в мягкой гладкой шерсти:

– Это больше на тебя похоже, да? Маленький доктор. – Я осторожно потрепал его за крошечное повисшее ухо.

Это все, конечно, сказки. Столетняя вера людей во все странное и необъяснимое. Но статья о Кат Ши и Баюне мне напомнила, при каких обстоятельствах я нашел Злыдня. Хотя… это ведь даже не я его обнаружил, а Василий Михайлович.

Компания зарвавшихся мажоров проводила какой-то ритуал. В тот момент я даже не обратил на это внимания, что в моей профессии может стоить жизни. Я принял увиденное за антураж к ставшему модным Хэллоуину. Черепа, странные символы, выложенные из камней, костер, выдранные из книг страницы. И слова Наташи, показавшиеся в тот момент наркоманским бредом. Что она кричала? Что-то про то, что «она стала кошкой». Я искренне верил, что дочка Михалыча

схватила не слабые галюны, но…

Да нет. Такого не может быть. Я уставился на Злыдня. Он – жертва какого-то… ритуала? Нет, это совсем уж в форме бреда. Я не отрицал существование того, что человеческий разум не в силах объяснить. Но превращение в котов…

Что там все-таки произошло?

Завтра же я позвоню Михалычу и спрошу, что удалось узнать об этой компании и о том, что они пытались сделать. Чутье подсказывало, что все не так просто. В роще произошло нечто странное – вот только понял я об этом слишком поздно. Но все равно должен выяснить правду.

– Кто же ты? – Я погладил Злыдня между ушей.

Он тихонько сопел, дрожа своим похудевшим тельцем, а я осмотрелся. Моя комната чем-то напоминала… даже не знаю, что именно. Больничная палата и та казалась более обжитой. Уныло и пусто. Только благодаря вещам Злыдня можно было не сойти с ума.

Может, это только мое воображение, но кажется ему нравился оранжевый цвет. И мягкие игрушки. И растения. К ним у него вообще была слабость – Злыдень тыкал лапкой во все, где был нарисован узор из листьев. А если штука была еще и деревянной… Я точно схожу с ума. Хотя все тесты показали, что полностью здоров.

Василий Михайлович отправил меня в отпуск. Полное восстановление займет некоторое время, пока мне даже тренировки противопоказаны. Снова придется возвращаться в форму. А значит, у меня есть время до того, как я отправлюсь в очередной кошмар.

И наверное впервые в жизни я знал, что проведу это время, ценя каждый день.

Сначала свожу Злыдня на рыбалку. Давно я там не был. Да, точно. Завтра и поедем.

Тепло Злыдня расслабляло, боль утихла, пропав совсем. В голове возникали приятные картинки.

Вечерняя зябкость, треск костра, алюминиевые кружки и шорох камышей…

С этими мыслями, я и уснул. Не подозревая, что моим планы будут загублены на корню.

ГЛАВА 8. ДИМА

Этот сон отличался от того, что мне обычно снилось. Может дело было в том, что слишком начал сторониться людей. Или в куче прочитанных статей.

Но вместо крови, выстрелов и десятков спецопераций, я видел… сказку.

Красивую, яркую, но немного пугающую сказку.

Видение настолько завораживало, что я старался его удержать, даже чувствуя, что просыпаюсь.

Я шел по лесу. Брел среди деревьев, которые выглядели, как декорации к спектаклю. Гротескно уродливые и скрюченные. Плоские, словно вырезанные из фанеры и картона. Раскрашенные темно-голубой краской, с закручивающимися спиралями ветками. Белые столбцы берез, как будто вычерченные под линейку. Но под ногами хлюпала влажная земля. А ветер, выстуживал кожу смертельным холодом.

Сам не знаю, куда шел. Просто брел вперед, наугад. В какой-то момент меня согнуло пополам от боли. Я прижал руку к животу, оскальзываясь на гладком мху. Вцепился в белоснежный березовый ствол рукой, оставляя на плоской деревяшке кровавые отпечаток.

С другой стороны появились длинные когтистые пальцы, тонкие и костлявые. Они казались полупрозрачными, состоящими как будто из серой пыли, пушистыми и странно мерцающими.

Я отдернул руку, и когти мазнули по стволу, оставляя глубокие царапины и размалевывая мою кровь по белой краске.

Не знаю, что испытал. Страх? Удивление?

Нужно бы бежать от странного существа, непонятно как прячущегося за деревом, но я продолжал стоять и смотреть. Смотреть, как с другой стороны появляется длинный тонкий хвост, тоже состоящий из полупрозрачных клочков пыли. Мерцание, напоминающее мигание звезд, подтолкнуло к какой-то мысли. Но я никак не мог ухватиться за нее. Звезды… С этим было связано что-то важное. Что-то, что поможет мне понять…

Если бы я только сам знал, что именно хочу понимать.

Тихий свистящий шепот раздался из-за дерева, с той стороны, где скрывалось пугающее существо:

– Беги-и-и… Ищи-и-и, если х-хо-о-очеш-ш-шь ее получи-и-ить…

Я хотел. Очень хотел. Не понимал, за кем гонюсь, но знал, что это важно. Что должен найти ЕЕ.

Я побежал. Едва дыша от боли и истекая кровью. Черт, даже когда меня ранили, ее было меньше. Я оставлял за собой кровавый след, по которому шло то самое существо. Я видел лишь тень. Серую, сотканную из пыли и звездного мерцания. Там, где положено быть глазам мерцали два голубых фонарика, а на месте рта клацали зубы длиной с палец. Это существо гналось за мной, чтобы помешать.

Но я так долго искал, что не мог позволить себе сдаться.

Задыхаясь, я бежал пока впереди не появилась почти сказочная избушка. Как будто огромная иллюстрация из детской книжки. В такой Баба Яга поджидала глупых царевичей. И именно ее нашли Гензель и Гретель.

Красивый деревянный забор с резными воротами, по которым бродил серый кот. Он казался смутно знакомым и словно чего-то от меня ждал.

При моем приближении подул ледяной ветер. Заскрипели два висящих на заборе фонаря. Свечи внутри них почему-то горели голубым пламенем. Этот цвет тоже был мне знаком. Только я никак не мог вспомнить, где его видел.

Отворив ворота, я вошел внутрь. Дом охраняли два жутких пугала, сшитых из мешков. Они казались распятыми на крестах мертвецами. На мешковинах были вырезаны искаженные физиономии. Там, где положено быть рту, все было измазано чем-то красным.

Когда я подошел ближе, оба пугала вдруг вздрогнули, подняли головы и уставились на меня. Они начали дергаться, пытаясь сняться с шестов, на которых висели, и потянулись ко мне.

Дверь в низенькую избушку отворилась, и на пороге появилась… Я не видел, кто это, но точно знал, что ищу именно ее. Она стояла в темноте, только голубые глаза сверкали так ярко, что казались двумя звездами.

Ее тихий голос донесся до меня соблазнительным шепотом. Я просто перестал соображать, когда услышал. Как будто, он был специально создан, чтобы лишить меня рассудка.

– Если хочешь войти, накорми их.

Я просто завис. Даже не понял, о чем она говорит. Не видя ее лица, вообще ее не видя, представлял, как она будет шептать в тишине мое имя, смеяться, а потом громко стонать.

Хрипло я переспросил:

– Накормить?

Она снова прошептала.

– Да, своей кровью…

Мозг совсем не улавливал того, что она говорит. Но ее голос. По коже прошли мурашки, и бросило в жар. Не знаю, что было в этом звуке, но это действовало

на меня сокрушительно. Я с трудом дышал, но уже не от боли. Даже не от желания – нет, от необходимости к ней прикоснуться.

– Как это сделать?

Я готов был пойти на все, что угодно. Ей нужна моя кровь? Пожалуйста. Жилы, вены, сердце – все, что пожелает. Только бы приблизиться.

Из темноты показалась ее бледная рука. Она поманила меня пальцами, и из раны на животе вырвались капли крови. Мерцая в темноте, меняя форму, они полетели вверх, окрашивая рты пугал новым слоем вишневых пятен.

Я вдруг испытал адскую черную ревность. Чьей кровью они питались до меня? Кто пытался приблизиться к ней? Занять мое место. На это есть право только у меня!

Пугала успокоились и безвольно повисли на шестах, а я, тут же забыв о них, бросился к дверям.

– Кто здесь был до меня?

Она рассмеялась, ускользая в темноту:

– Многие…

– Кто?! Сколько?! – Я уже почти рычал, сходя с ума от ревности.

– Достаточно, чтобы я смогла доставить тебе удовольствие, какое больше никто не сможет…

То, что я испытал от этих слов, было даже не возбуждением. Меня как будто заживо вскрыли и сунули внутрь горящие угли. А потом поворошили их, разводя костер, который питали мои внутренности.

Я хотел ее. Хотел получить ее себе. И чтобы больше никто не знал и не видел, кем я обладаю. Сладкой ведьмой, которая приворожила одним только голосом. И одновременно меня пожирала черная ревность. Я докажу, что я лучше. Лучше

всех тех, кто был здесь до меня. Лучше каждого, кому она дарила свои прикосновения и поцелуи.

Я метнулся за ней, в темное нутро старого покосившегося дома. Стоило переступить порог, и внутри вспыхнули десятки толстых, оплавившихся свечей. Воска на коротких столбиках было так много, что он складывался в уродливые физиономии.

Ловушка захлопнулась, а я даже не понял этого – дверь за моей спиной с жутким скрипом закрылась, и я откуда-то знал, что наружу пути уже нет.

Но это уже и неважно. Я не хотел уходить. Никуда. Хотел остаться рядом с ней. Только с ней. Пусть даже стану очередной ее глупой жертвой, угодившей в умело расставленные сети.

Где она? Где?!

Я осмотрелся, чувствуя выступившую на коже испарину.

Она сидела у скрытого паутиной окна. Вращала большое колесо и тянула черную нить из вороха шерсти вокруг веретена.

Идеально прямая спина, бледная гладкая кожа и сияющие голубые глаза. Это все, что я видел. Ее русые волосы падали на лицо завивающимися волнами, и дрожали от сквозняка, прорывающегося сквозь щели в раме.

Ветер издевался надо мной, скрывая ее лицо, не давая рассмотреть. В ее волосы были вплетены черные, словно обуглившиеся, цветы – их лепестки были похожи на лепестки пепла. Среди них пряталась россыпь сверкающих багряных камней. А за ушами виднелись колоски каких-то трав. И они были полностью золотыми, превращаясь в корону.

Она была пугающе прекрасна. Воплощение самых потаенных фантазий.

Я пожирал ее глазами, не находя сил оторваться. На ней было черное платье. Почти прозрачное, из сверкающего кружева, которое скрывало все, что я так хотел увидеть.

Ее узкая талия была перехвачена широкой шелковой лентой. И я знал: достаточно лишь немного потянуть за кончик, и я увижу ее так тщательно скрываемую красоту.

Она поднялась и встала напротив меня. Колесо прялки закрутилось так быстро, что у меня закружилась голова. Я снова посмотрел на ее лицо, скрытое упавшими локонами.

Она должна быть моей. Только моей. Пусть даже после этого только смерть.

Она шагнула ко мне, и полы платья разошлись, обнажая ноги, которые я тут же представил на своих бедрах и плечах.

При ее приближении запахло туманами, корицей и гвоздикой. Она пахла осенью и пряностями. Свежестью и горячим вином.

Нежные, розовые, как лепестки цветов, губы открылись и она тихо проговорила:

– Мне нужна пряжа…

От ее голоса я прикрыл глаза и сглотнул голодную слюну. Кровь превратилась в раскаленную лаву и плавила вены. Я умирал изнутри. Сгорю, если не попробую ее на вкус, если не прикоснусь губами к каждому миллиметру ее кожи.

Ничего не соображая, глупо переспросил:

– Зачем?

– Для одеяла. Здесь так холодно без тебя… Когда ты снова уйдешь, я буду им укрываться. – Она подошла ко мне вплотную, и меня окутало жаром. Таким, что я едва не задохнулся.

– Я не уйду.

– Уйдешь… Ты часто уходишь. В этот раз ты оставил меня так надолго. Без тебя было страшно и одиноко.

Я не знал, о чем она. Разве мог я добровольно ее оставить? Добровольно уйти? Нет… Я ведь так долго ее искал.

– Ты поможешь мне найти нити? – Она выдохнула теплый воздух мне в шею, и я застонал.

Ощущение было таким, словно меня сунули в горящую печь. Чтобы сгорел к чертям за все мои грехи. Давай же, прикоснись ко мне. Стань чуточку ближе, чтобы я почувствовал твои губы на своей коже. Пожалуйста, дай узнать, какова ты на вкус, что ощущаешь, когда обладаешь тобой.

– Помогу… Все, что скажешь…

Она улыбнулась. Я потянулся, чтобы убрать волосы с ее лица, но она вогнала ногти мне в живот, царапая до крови. Я вздрогнул от боли и опалившего пах возбуждения.

Она толкнула меня на узкую скрипучую кровать и плавно, по-кошачьи взобралась сверху. Ее ноги оказались по обеим сторонам моих бедер, обхватывая так крепко, что я уже сейчас готов был кончить.

Она тихо засмеялась и начала задирать мою майку.

– Какой послушный… – Ее губы коснулись моего уха, посылая по телу ураган дрожи. – Я буду ласковой наездницей.

Если она въедет на мне в ад и загонит до смерти, то я не буду сильно сопротивляться. Я вообще не буду ей сопротивляться.

Я дернулся бедрами вверх, поднимая ее над собой, пытаясь быть ближе насколько это только возможно.

Она снова рассмеялась:

– Не торопись… Сначала я получу свою пряжу. – Она задрала мою майку и накрыла ладонями грудь. – Вот она… Твоя боль…

Я посмотрел вниз и на несколько секунд перестал дышать.

Все мои старые раны снова открылись. Воспаленные края были стянуты черными грубыми нитками.

Замурчав, словно кошка, она провела пальцем по последней ране – на животе, а потом потянулась назад и достала сверкающие, украшенные резьбой, ножницы. Холодный металл коснулся моей кожи, когда она очертила ими ребра, неожиданно надавливая так, что я почувствовал боль.

Опасность возбуждала еще больше. Я знал, что она готова всадить в меня ножницы. Знал, но не сопротивлялся, позволяя ей все, что она только пожелает сделать.

Поддев один из швов, она щелкнула лезвиями. Меня кольнуло болью и разлившейся по венам сладостью.

Снова мурча она начала вытягивать нитки из моих швов и сматывать их в клубок.

– Люблю играть с твоей болью…

ГЛАВА 9. ДИМА

Я проснулся с диким стояком.

Чтобы кончить, нужно лишь немного. И этот оргазм станет просто взрывом.

По моей шее прошлось влажное теплое дыхание, от которого бросило в жар и дрожь. По животу скользнула теплая рука. Ко мне так нежно еще никто и никогда не прикасался.

Боже, как же хорошо… Я повернулся, зарываясь носом в мягкие волосы. Они пахли какой-то невероятной сладостью и туманной моросью. Свежесть и цветы.

На груди ощущалась странная приятная тяжесть. Я лениво поднял руку и накрыл узкую спину. Прикосновение к шелковистой мягкой коже заставило распахнуть глаза.

Свет на пару секунд ослепил и заставил зажмуриться.

Но когда я снова открыл глаза…

На мне лежала девушка. Миниатюрная, почти крошечная по сравнению со мной. Белая кожа так резко контрастировала с моей, что я даже убрал руку с ее спины – испугался запачкать.

Ее волосы рассыпались по моей груди, скрывая ее лицо. Они завивались невероятными волнами и отливали золотисто-серебряным сиянием. Такой цвет вообще существует в природе?

Как она здесь оказалась? И почему кажется знакомой?

Мы провели вместе ночь, а я не помню… Такого не может быть.

Не может! В груди шевельнулось странное предчувствие, и я потянулся к ее волосам. Может, если увижу ее лицо, то все вспомню.

Вспомню, кто она такая и как я привел ее сюда.

На самом деле, я просто хотел снова к ней прикоснуться. До зуда в пальцах и лихорадочной дрожи во всем теле.

Я снова положил руку на ее спину, распластав ладонь между изящных выпирающих лопаток. Припечатал ее к себе, боясь отпустить.

Она вздрогнула, часто-часто задышала мне в шею и повела ногой по моим бедрам. Мучительно медленно вверх, нежно и сладко. До пылающей агонии.

Задела и так стоящий колом член, и я вздрогнул, зашипев сквозь зубы. В паху скопилось такое давление, что еще немного, и член просто взорвется. Всего лишь от ее сонного неосторожного движения.

Я вжал пальцы в ее спину, боясь отпустить. Наверное, это ее разбудило. Она уперлась рукой – крошечной ладошкой – мне в грудь и слегка приподнялась.

Волосы упали на ее лицо, скрывая черты. Только голубые глаза горели так ярко, словно это были звезды. Не знаю, когда я успел стать чертовым романтиком, но она казалась мне волшебной. Сказочной.

Сон! Она только что мне снилась. Пальцы дрожали, когда я протянул руку, чтобы убрать сияющие от солнца локоны.

Она удивленно округлила губы, и в животе взорвалась боль, когда я представил их на своей коже, скользящими по груди, животу и еще ниже…

Она вздрогнула, поднимаясь еще выше, по-кошачьи выгибая изящную спину.

Я быстро откинул ее волосы назад, жадно запуская в них пальцы.

Она была похожа… черт, я даже не знаю! Ангел. Фарфоровая кукла? Девушка из повестей Тургенева?

Какая-то абсолютно нереальная. Сказочная. Преступно белокожая. К ней было страшно прикасаться. И в то же время эгоистично хотелось ее замарать своей грязью, чтобы не могла от меня отмыться. Аккуратный, другого слова я не находил, рот. Невинный, но такой искушающий. Задорно вздернутый нос, который ужасно хотелось поцеловать.

Мы смотрели друг на друга, может, минуту. Не больше. Но время растянулось до бесконечности. В окно просачивалось холодное ноябрьское солнце. Оно рассыпалось на ее коже бликами, высвечивало тонкие белоснежные волоски на ее руках, и казалось, что ее кожа осыпана золотом. Золотом были обведены и глаза. Рыжеватые пушистые ресницы вокруг голубых глаз – убийственное сочетание.

Я протянул руку, чтобы коснуться ее губ, но она дернулась, отстраняясь, и села.

Я опустил взгляд вниз.

Черт! Твою ж мать!

У нее была просто потрясающая грудь. Совсем небольшая – словно две капельки. Такая манящая. С маленькими торчащими сосками.

Я даже облизнулся от желания зажать губами и провести языком.

Она поняла, куда я смотрю. Нахмурилась и резко наклонился голову. Шумно выдохнула и схватила покрывало.

Ее пальцы накрыли мой член, сжали и слегка потянули. У меня потемнело перед глазами. Бедра рваеулись за ее пальцами. Я отчаянно пытался вбиться в ее руку. Она поняла и тут же отдернула руку, покрываясь алым румянцем.

Больше я выдержать не мог. Она сдернула покрывало, пытаясь прикрыться, а мне снесло крышу.

От одного ее прикосновения через несколько слоев ткани, я кончил. Не смог сдержать предательского стона. Как чертов подросток – прямо в штаны.

Но плевать. По всему телу прошлась сокрушительная судорога. Волна, смывающая все и оставляющая после себя лишь развалины.

По мне прошелся тайфун. Испарина выступила по всему телу. Перед глазами стало темно. В ушах зашумела кровь.

Несколько долгих мгновений мне казалось, что меня просто разорвет на части. Я стиснул зубы, корчась так, что рвало жилы. И все у нее на глазах.

Давно не было так стыдно. И одновременно хорошо.

Я с трудом сфокусировал взгляд. Она смотрела на меня с удивлением. Даже испугом.

Ладно, теперь я знаю, что значит захотеть провалиться от стыда под землю. Если бы мог, я бы сам сиганул в пропасть.

Она успела закутаться в наше покрывало, оставив неприкрытой только голову.

А потом вдруг вытянула вперед руку и неверяще посмотрела на нее. Перевела взгляд на меня, словно сомневаясь в чем-то, и снова посмотрела на пальцы.

От каждого движения головы, ее волосы дрожали, как морские волны. В них путались лучи солнца, жадно целовали пряди.

С трудом управляя ватным телом я сел, но она снова отодвинулась. Приоткрыла губы, толкая меня в черный омут грязных мыслей. Собиралась что-то сказать?

Сердце замерло от ожидания. Я хотел услышать ее голос. Чтобы она произнесла хоть что-то. Произнесла мое имя!

Но вместо этого в квартире что-то грохнуло, и послышался возмущенный возглас:

– Ди-и-има-а-а-а! Ты где?! Боже, ну и лабиринты… Пусто-то как… Дома нет, что ли? Разувайся скорее, а я пойду поищу его. – И еще громче: – Ди-и-ма-а-а-а-а!

Господи, да весь дом услышал уже!

Я подорвался с матраса и бросился в ванную.

Но тут же остановился и приказал своему ожившему сновидению:

– Не вздумай уйти!

Я быстро переоделся, торопясь так, что напялил рубашку наизнанку. А, плевать.

Главное, опередить мать. Если она сюда ворвется, то устроит разборки, которые я вряд ли вывезу. Она обязательно захочет узнать, с кем я провел ночь и какие у нас отношения. А я даже имени своего воплотившегося в реальность сновидения не знаю.

Мою маленькую фарфоровую куклу с самыми голубыми глазами на свете нужно защитить. Даже от собственной матери.

Я наскоро плеснул в лицо холодной воды и пригладил влажными руками волосы. Почти нормально. Сойдет и так.

В спальне было подозрительно тихо, и я быстро выскочил из ванной. Моя колдунья стояла посреди комнаты и, сдвинув брови, смотрела на домик Злыдня. Она все так же куталась в покрывало, совсем утонув в нем. Такая крошечная и беззащитная. Только изящные ключицы виднеются среди складок ткани.

Захотелось обнять ее. Прижать к себе и держать так долго-долго. Не отпускать, даже когда она попросится на свободу.

Она вскинула на меня удивленный взгляд, задирая голову и обнажая красивую шею. Точно так же на меня смотрел Злыдень – снизу вверх, откидывая голову чуть ли не на спину.

Даже смешно стало: сравниваю девушку с кошкой. Хотя она так ластилась ко мне… Едва ли не мурчала… Нутро снова начало скручивать от возбуждения. Я с трудом взял себя в руки.

Шаги матери раздались совсем близко, и я быстро прошептал:

– Будь здесь и не выходи! Когда я с ней разберусь, вернусь.

Она испуганно кивнула и сглотнула.

Боже… Лучше поскорее забыть то, о чем подумал, когда увидел это движение. Я с такой скоростью бросился к дверям, словно собирался брать их штурмом.

Едва успел захлопнуть их за собой, как появилась мать.

– Дима! Ты что, не слышишь?! Я уже устала кричать!

Я прислонился спиной к дверям, чтобы помешать ей войти, если вдруг вздумает вломиться в мою спальню. Там, где дело касалось моей личной жизни, у матери

тут же пропадали такт и совесть. Личное пространство? Границы? Нет, такие понятия у нее вообще отсутствовали.

Вот и сейчас. Она даже шапку и пальто не сняла – сразу отправилась меня искать. Спасибо, хоть разулась.

– И тебе привет, мам.

– Не умничай! Я чуть инфаркт не получила, пока искала тебя.

– Я спал.

– Спал? Спал?! В такой час?!

Ну, началось. Надеюсь, моя белокожая незнакомка этого не слышит.

– Мам, я только вчера вернулся из командировки. Да, в такой час я спал. И собираюсь еще спать. Зачем ты приехала и почему не предупредила?

У нее так вытянулось лицо, словно черта перед собой увидела:

– Вот так ты разговариваешь с матерью? Гена! Иди сюда! Послушай, что твой сын мне говорит! Давай-давай, повтори. Скажи отцу то, что только что сказал мне.

Я любил свою мать. Маму ведь любит каждый ребенок. Она прекрасная женщина. Но у нее есть огромный недостаток: она считает, что все должно быть так, как скажет она. Только ей известно, как жить правильно. И если кто-то посмеет с ней поспорить, то этим, по ее мнению, обеспечит себе вечный абонемент на посещение ада.

Как только смог обеспечивать себя самостоятельно, я старался держаться от нее как можно дальше. Но иногда на нее накатывали такие вот приступы материнской заботы. Чтобы их выдержать, рецепт был только один: смириться и ждать, когда желание устроить мою жизнь немного утихнет.

Обычно, я терпеливо сносил ее попытки научить меня правильной жизни, пока они не сходили на нет. Но сегодня, сейчас, у меня были совсем другие заботы. И если мать считает, что я неблагодарный сын, то пусть так оно и будет.

– Давай! – Она ткнула в меня пальцем. – Повторяй!

Я кивнул отцу:

– Привет, пап.

– Здравствуй, сын! Как ты тут?

Вообще, своего настоящего отца я не знал. Мать никогда не говорила, кто он. Пару раз упоминала, что я похож на него внешне, но она очень надеется, что во всем остальном буду отличаться. Я часто спрашивал о нем. Однажды услышал, как она рыдала в трубку какой-то своей подруге, что он бросил нас, едва узнав о ее беременности. Вроде бы какой-то богатей, решивший развлечься с простой девчонкой. Он оставил ей гроши на аборт и укатил в неизвестность. После этого я перестал спрашивать. И тоже начал надеяться, что не буду на него похож. Даже внешне.

Гена появился в нашей жизни, когда мне было лет десять. До сих пор кажется, что мать решилась на отношения с ним только затем, чтобы в семье был мужчина. Кто-то, кто поможет воспитать меня правильно.

Гена был военным. Именно таким, каких показывают в кино. Молчаливый, приземленный, надежный. Настоящий защитник семьи, Родины и всех тех, кто нуждается в защите.

Когда немного повзрослел, я часто думал, почему он остается с нами? Другие женщины часто обращали на него внимание. А характер у моей матери был такой, что любой бы сбежал. Они казались совершенно не подходящими друг другу. Но может, именно такой мужчина ей и нужен был? Простой, способный выдержать ее истерики и боготворящий ее красоту.

Как бы то ни было, они уже двадцать четыре года в браке. И я искренне считаю его своим отцом. Если бы не он, с матерью было бы совсем сложно ужиться.

Я улыбнулся:

– Только вчера вернулся.

Отец кивнул:

– Вася мне звонил. Сказал, тебя награждение ждет.

Я изобразил улыбку. Значит, рассказал и о ранении, и о госпитале. Кажется, мать еще не знает, а то уже устроила бы мне осмотр и полноценный вынос мозга за то, что скрыл от нее.

– Награждение! Кого тут награждать? Ты на кого похож?! Весь зарос, выглядишь, как пьяница какой-то. Глаза красные. Ты что, пил? Боже, Дима! Тебе что, три года? Не видел, что рубашку наизнанку напялил? Признавайся, всю ночь гулял где-то? Пьянствовал?

Ну вот откуда она это берет? Я всегда был равнодушен к алкоголю, и ей об этом прекрасно известно.

Мать приблизилась ко мне и обнюхала. Я закатил глаза.

– Может, анализ на наркотики сдать?

– Нет, он еще и острит! – Она снова шумно вдохнула и подозрительно прищурилась: – Ты что, был с женщиной? От тебя духами пахнет… Или шампунем… Точно с женщиной! Кто она? Где? Я должна знать! Она наверняка тебе не подходит, раз позволяет себе шляться ночами по клубам и пьянствовать с мужчинами!

Я надеялся только на то, что ОНА не слышит всего того, здесь происходит.

Устало выдохнул, готовый на все, лишь бы скорее вернуться в спальню.

– Мам, зачем вы приехали?

– Как зачем? Вот неблагодарный! Я твоя мать, вообще-то. Купил новую квартиру, нас с отцом не позвал. Сидишь в своей берлоге, непонятно с кем общаешься. Где эта девка? Она здесь?!

Терпение было необходимо в моей работе. Терпение и море выдержки. Но стоило появиться матери, и я закипал, как чертов вулкан.

Уже собирался ей резко ответить, как на помощь неожиданно пришел отец:

– Нина, он уже взрослый мужчина. Это его дело, с кем он встречается.

– Так если бы он встречался! Таскает сюда каких-то девок, а мать родную даже на новоселье не пригласил! Это уже ни в какие ворота не лезет.

Мы с отцом синхронно вздохнули. Это нужно просто пережить. Просто пережить. Пе-ре-жить!

Я глубоко вдохнул, пытаясь совладать с собой:

– Вы надолго?

Отец пожал плечами, а мать демонстративно отвернулась:

– Пока эта палата не превратится в нормальный дом. И пока не буду уверена, что рядом с тобой приличная воспитанная девушка. А не какая-то гулящая шалашовка! Пойду разденусь, а ты, будь добр, приведи себя в порядок.

Когда мать скрылась из виду, отец быстро шепнул:

– Она хочет тебя с кем-то познакомить, готовься. Уже договорилась сразу с несколькими подругами. Сказала, что не уедет, пока не увидит штамп в твоем паспорте и лично не попробует борщ, который тебе сварит жена.

Черт! Вот это уже реально хреново. Если дошло до такого, выпроводить мать будет очень сложно. В прошлый раз она осаждала мою квартиру целый месяц. А учитывая, что решила тут все обустроить… С отпуском можно попрощаться.

– Иди освобождай свою гостью, а я ее пока отвлеку.

Отец понимающе усмехнулся, и я благодарно похлопал его по плечу:

– С меня рыбалка.

– Как минимум, на неделю! Не уверен, что смогу легко выдержать смотрины.

Он ушел, а я тут же ринулся в спальню. Вот только там было пусто. Покрывало одиноко лежало шелковистой горкой возле матраса.

Куда она пропала? Меня охватила удушающая паника. Может, в ванной?

Я бросился туда, но и там никого не оказалось. На балконе тоже.

Куда, мать вашу, она могла испариться из запертой комнаты? Отсюда выход – только спрыгнуть с балкона. Но не с двадцатого же этажа, в самом деле!

И все-таки я снова вышел на балкон. Тупо уставился на разбитый внизу парк. Пусто. Ни души.

Что за чертовщина происходит?!

Я вернулся в спальню, понимая, что если не отыщу ее, то попросту сойду с ума. Кто она? Как смогла пролезть в мою голову, в мой сон, а потом воплотиться наяву?

Пошатываясь, чувствуя себя жалким слабаком, я подошел к брошенному покрывалу. Наклонился, чтобы поднять, испытывая лишь одну потребность: закутаться в него, уткнуться носом и вдыхать ЕЕ сладкий свежий запах.

Но едва я потянулся к нему, как блестящая на солнце ткань шевельнулась. Какого..?

Я быстро поднял одеяло. Под ней копошился Злыдень. Злыдень…

Я уставился на кота. Он в ответ – на меня. Его висящие уши на этот раз висели особенно угрюмо. А ясный голубой взгляд… И эта выжидательно закинутая назад голова.

В памяти всплыл истеричный крик дочери Михалыча. «Она стала кошкой!»

Да нет… Не может такого быть. Я коснулся носа Злыдня. Он тихо мяукнул и попытался цапнуть меня за палец.

Ночью Злыдень устроился на моем животе. А когда я проснулся, на мне лежала незнакомая девушка. Она казалась удивленной и испуганной, когда увидела меня. И с недоверием рассматривала свою руку, как будто видит впервые. Может… она мне привиделась? После такого сна и адского возбуждения, воображение создало то, что я хотел увидеть.

Да нет, это совсем уж бред.

Злыдень бросил на меня унылый взгляд и фыркнул. Словно сердится за то, что я так долго соображаю. А что тут можно еще подумать?!

Меня снова бросило в пот. Михалыч вытащил его из вороха женской одежды. Что если…

Нет, такого не может быть. Такого вообще не бывает! Это все сказки.

Но я зачем-то поднял Злыдня на руки и снова заглянул в его голубые глаза. Вот же гадство! Они были того же цвета, что и у проснувшейся со мной незнакомки.

Чувствуя себя до ужаса нелепо, я осторожно спросил:

– Ты… человек?

Злыдень вдруг начал вырываться из моих рук. Несколько раз царапнул меня, попытался даже укусить, но когда понял, что не отпущу, успокоился и обмяк всем своим крошечным тельцем.

Я прижал его к себе, укачивая как ребенка, потираясь щекой о мягкую шерсть.

– Ну, успокойся… Ты чего? Давай попробуем еще раз. – Я отодвинул его от себя и снова спросил: – Ты человек?

Злыдень печально кивнул.

Не знаю, что ощутил в этот момент. Торжество, что оказался прав?.. И страх за свой рассудок.

Но ведь он всегда казался мне необычным котом. Умнее, чем остальные. Каким-то более сочувствующим, что ли. Он словно все понимал. Сам выбирал себе игрушки. Вполне осмысленно смотрел телевизор. Фыркал на мои попытки шутить. Находил все мои раны и прогонял боль…

«Люблю играть с твоей болью…»

Так сказала моя ночная колдунья. Словно жилы из меня вытянула, свернув в клубок. Я перевел взгляд на свой живот и быстро отклеил лейкопластырь. Шрам выглядел так, словно ему уже пара месяцев. Розоватый, выпуклый, заживший. И никакой боли. Проснувшись, я не ощущал боли!

Каждое мое утро в эти дни начиналось с того, что она пульсировала, отдаваясь во всем теле. Но не сегодня.

Я снова посмотрел на Злыдня:

– Это ты меня вылечил?

Он злобно зыркнул на меня и уставился в потолок. Я встряхнул его, как мягкую игрушку, за что тут же получил пару кровавых царапин.

– Ну прости! Прости меня! Просто ответь, это ты вылечил?

Злыдень снова фыркнул и одарил меня таким взглядом, что я ощутил себя идиотом. Просто ответь. Ну да! Как будто для него это так легко…

– Кивни, если это ты.

Сдавшись, Злыдень снова кивнул, а я по-дурацки улыбнулся.

А потом вдруг дошло… Если мой кот на самом деле человек, то…

Боже… А я ведь ходил при ней голым. Брился. Фальшиво подпевал радио и хохотал над той мышью. Она наверняка решила, что живет с психом и придурком.

Я кончил, когда она дотронулась до меня!

Черт! Черт-черт-черт! Это был ужас…

Наверное впервые в жизни я ощутил, как краснею. Злыдень смотрел на меня высокомерным пронзительным взглядом, а я пытался вспомнить, как еще умудрился опозориться перед ним. Перед ней. Выходит, у меня не Злыдень.

Чтобы убедиться, что не сошел с ума, я спросил:

– Ты парень?

Во взгляде Злыдня отчетливо читалось «Ты придурок».

Ладно, попытка номер два:

– Ты… девушка?

Он снова презрительно фыркнул, но спустя пару секунд кивнул. Я еще пытался убедить себя, что такое попросту нереально, но в глубине души уже знал, что верю. Верю в то, что мой случайно обретенный кот на самом деле девушка.

Адски соблазнительная девушка. Ангельски красивая ведьма.

Что с ней стало? Почему она превратилась в кошку? Или она всегда такой и была?

Я сжал Злыдня в руках так сильно, что он протестующе мяукнул.

– Прости! – Пришлось ослабить хватку. Но я не удержался и прижал его к груди. – Я обязательно выясню, что с тобой случилось.

Злыдень тихонько мяукнул. И это было ужасно похоже на то, что я слышал во сне. Мягкий нежный звук. У меня в руках беззащитное уязвимое существо.

Я оставил ее у старухи. Одну. Что она там вытерпела без меня? Напуганная и крошечная.

Я тихо прошептал:

– Больше не оставлю тебя.

А ведь тоже самое я говорил и во сне… Она не поверила. Упрекнула меня.

– Прости меня, слышишь?

Я снова заглянул в голубые глазищи, которые почти светились.

Неожиданно дверь в спальню распахнулась. Я прижал Злыдня к себе. Не знаю почему, но подумалось, что кто-то обязательно захочет отобраться ее у меня.

Но на пороге стояла мать. Она вздернула брови, увидев кота. Быстро обвела взглядом мою комнату, остановившись на кошачьих игрушках.

– Ты завел кота? А где… та, с которой ты спал? Или ты ЕГО тут прятал?

С матерью придется сложно. Она животных не любит в принципе.

– Та, с которой я спал, решила, что спать со мной она пока не будет. Бережет мою честь и не хочет позорить перед родной матерью.

– Очень смешно. Ха-ха. – Мама прошагала внутрь и брезгливо подняла лежащее на полу покрывало. А потом понюхала. Ну, бл***… – Оно пахнет женскими

духами. Тут точно кто-то был.

Я раздраженно выхватил покрывало из ее рук. Единственная вещь, к которой прикасалась моя ночная колдунья. Хочу хоть так сохранить ее запах.

– Мам, а если бы тут был я? Голый?!

– Пф! А чего я у тебя там не видела?! Я тебя вообще-то родила.

И на что я надеялся?

Я шагнул к матери и, не церемонясь, подтолкнул ее к выходу:

– У меня здесь пять сотен жилой площади. Так вот если ты планируешь тут остаться, то постарайся появляться на моей сотне, как можно реже, хорошо? Если ты будешь вот так врываться сюда и хватать мои вещи, то, прости, мам, но я выставлю тебя отсюда.

Я захлопнул за ней дверь, чувствуя, как Злыдень слегка проводит когтями по моей груди.

Я тут же посмотрел на него:

– Что? Что ты хочешь сказать?

Судя по его укоризненному взгляду, ничего хорошего. Да ладно! Меня упрекает собственный кот!

Нужно придумать, как нам общаться. Если там, внутри, спрятан человек, то должен быть способ. И я его найду.

ГЛАВА 10. ДИМА

– С каких это пор ты стал таким кошатником? – Мать сердито громыхала посудой.

Мы с отцом, как два прилежных ученика, сидели за столом. И плевать, что одному шестьдесят, а другому – тридцать четыре. Если мать решила нас распекать, то будет делать это до победного конца.

Я погладил Злыдня между ушами.

– Я не кошатник.

С того момента, как мы вышли из комнаты, он все время жался ко мне, дрожал и бросал опасливые взгляды на мою мать.

Мама выразительно выгнула бровь:

– Ты сидишь в обнимку с котом. Дима, это несерьезно.

Я пожал плечами. Пусть думает, что хочет. Мне не пятнадцать лет, чтобы убеждать всех вокруг в правоте своего мнения.

– Когда ты купишь нормальную посуду? Что это за… за… ужас какой-то! Тут нужна женская рука.

Под столом отец пнул меня ногой и выразительно выпучил глаза. Я кивнул.

– Женские конечности тут в принципе никому не нужны. Ни руки, ни ноги. – Я прижал беспокойно заерзавшего Злыдня и внимательно посмотрел на него.

Неужели переживает, что в доме появится женщина? Ревнует меня? От этой мысли стало неожиданно тепло и приятно. Я понимал, что придумываю то, чего скорее всего нет и в помине, но воображение уже было не остановить. За пару секунд я успел нарисовать красочные подробности нашей дальнейшей жизни.

И, черт возьми, это было круто!

– Боже мой! А это еще что такое?! – Мать вытащила миску Злыдня, на которой я просто ради развлечения выгравировал его имя.

Мы со Злыднем одновременно дернулись. Я быстро встал, забрал миску у матери и водрузил ее на стол рядом с собой.

– Это Злыдня.

Мать посмотрела на меня, как на психа:

– Только не говори, что ты собираешься кормить этого кота за нашим столом?!

Злыдень недовольно заворочался и издал странный мяукающий звук. Кажется, он был раздражен. Точнее, она. Никак не привыкну. Да уж, не лучшее знакомство с родителями.

Я пододвинул миску ближе к своей тарелке и встал, чтобы наполнить ее кошачьим кормом.

– А что в этом такого? Мы всегда едим со Злыднем вместе.

Я с трудом сдержал улыбку, вспоминая, как Злыдень воротил нос от замерзшей колбасы. Мы действительно ели вдвоем. Злыдень запрыгивал на стойку, по-хозяйски усаживался на ней и ждал свою порцию. А стоило мне отвлечься, запускал лапу и в мою тарелку. Тогда в отместку, я отбирал у него несколько кусочков корма. И тут же получал за это парочку длинных царапин.

– Бог мой, Дима! – Возглас матери вырвал из воспоминаний. – Это по меньшей мере не гигиенично!

Да что она к нему прицепилась?!

– Злыдень – чистый кот, мама. И успокойся, пожалуйста. Если нужно будет, он поест даже из моей тарелки.

Она так на меня посмотрела, что стало ясно: я только что вырыл себе могилу.

– И после этого ты говоришь, что не кошатник?

Я кивнул:

– Ага. Кошатники любят всех котов. А моим сердцем целиком завладел только Злыдень. Он здесь других не потерпит, да мохнач? – Я почесал ему шейку, и Злыдень иронично фыркнул. Но тут же блаженно прикрыл глаза и замурчал.

– Дима, ты понимаешь, что это ненормально? Я уже в шаге от мысли, что тебе нужна помощь специалиста. Или у тебя этот… как его… когда сперма застаивается? Говорят, это очень вредно и влияет на психику. Гена, как это называется?

Отец поперхнулся и начал громко кашлять. Да, мать в своем репертуаре. Нужно держать Злыдня подальше от нее. По возможности, везде брать его с собой. Ее. Ее… На этот раз я уже не смог скрыть довольную улыбку, воскрешая в памяти соблазнительный образ моей ночной колдуньи.

– Мам, успокойся и не порть нам всем аппетит.

***

Как только завтрак, напоминающий пытку, закончился, я забрал Злыдня и заперся в комнате. Сначала, правда, пришлось искать ключ от дверей и выслушивать гневные крики матери.

– Куда это ты собрался? А помочь мне вымыть посуду? Ты тоже, между прочим, ел.

Я сгреб посуду и сунул в посудомойку:

– У меня есть посудомоечная машина. Если это не устраивает, то я не обижусь на твой скорый отъезд.

Мать наградила меня очередным испепеляющим взглядом, но ничего не ответила. Это могло означать лишь одно: она уже что-то задумала. Ах да, отец же предупредил. Меня ждут несколько потенциальных невест. Что за бред? Если они ей так нравятся, сама может на них жениться.

Сбежав вместе со Злыднем, я забаррикадировался в спальне и сел за ноутбук. Печатая в поисковике «способы общения с душой», одновременно набирал Михалыча. Я был почти уверен, что моя ночная колдунья имеет прямое отношение к тому, что случилось в тот злополучный Хэллоуин.

Может, она одна из тех обкуренных сатанистов? Нет, она точно не может быть с ними. Я посмотрел на Злыдня, снова спрятавшегося в дом-тыкву. Она совсем не такая. Наверное, ангельское личико хорошей девочки совсем сдвинуло мне мозг, но я никак не мог представить ее среди той компании.

– Да, Дим? Что-то случилось?

Я отвлекся от изучения какого-то дикого сайта о призраках и умерших.

– Здравствуйте, Василий Михайлович. Я по тому делу. Ну, с Наташей.

На том конце повисла тишина, а потом Михалыч осторожно спросил:

– Что-то случилось?

Я посмотрел на Злыдня, подгребшего под себя длинноухого кролика. Глаза прищурены в узкие щелочки. Притворяется, что спит, засранец. Но я-то вижу голубой блеск.

– В общем, да. Кажется, одна моя знакомая там тоже была. Но… пропала. Хочу посмотреть, что удалось собрать. Вы же не замяли все просто так?

– Конечно, я не замял. Но не по телефону. Приезжай на работу, обсудим.

– Скоро буду.

Я отключился, отчетливо осознавая, что Василий Михайлович мне не поверил. Но я не знал, что еще сказать. И как именно это сказать. Женщина, от которой я свихнулся, превращается в кошку. Так? Даже для меня это все еще звучит абсурдно.

Но я все равно докопаюсь до правды. Чего бы мне это ни стоило.

Переодевшись, я выгреб Злыдня из дома. Он перестал делать вид, что спит, и смотрел на меня с безнадегой, от которой рвало душу.

– Я все исправлю. Даже не сомневайся.

Я уже привычно сунул кота за полу куртки и быстро покинул квартиру. Мать, к счастью, не заметила моего тактического отступления, а иначе бы устроила очередной разнос.

По пути на работу я заметил небольшой магазинчик. «Колдовская лавка». Глупее не придумаешь. Ну что там можно продавать? Котлы для зелий и метлы для полетов? Остроконечные шляпы? Рог единорога и чешую русалки? Интересно, как выглядят покупатели?

Да как они могут выглядеть? Как я.

Я припарковался и вышел из машины. Дверь традиционно раздражающе звякнула колокольчиками.

После ноябрьской свежести на меня обрушились десятки ароматов, от которых сразу же запершило в горле. Как тут можно находиться дольше минуты?

Я вспомнил сладкий и одновременно свежий аромат моей ночной колдуньи. Интересно, какими духами она пользуется? Я посмотрел на Злыдня, впервые осознавая, что прижимаю к груди ЕЕ.

– Чем могу вам помочь?

На меня уставилась продавщица в каком-то невообразимом тюрбане. Она медленно моргала, чем-то напоминая рыбу. Наверное, из-за толстенного слоя блестящих теней на веках и явно приклеенных ресниц.

По сравнению с ней моя маленькая ведьма казалась невинной и неискушенной девочкой. Чистая светлая кожа и ни грамма косметики. Хотя, откуда бы этой косметике взяться. Но ей это и не нужно. Не нужно ничего с собой делать, чтобы

быть красивой.

Я заставил себя сосредоточиться на деле и кивнул:

– Мне бы что-то… чтобы можно было общаться с призраком. Ну, я задаю вопрос, а он мне отвечает. – Еще никогда не ощущал себя так глупо и нелепо. Даже Злыдень фыркнул мне в грудь.

Но продавщица ни капли не смутилась:

– Я знаю, что вам нужно! Спиритическая доска – идеальный вариант. Проверена веками.

Она потерялась где-то между стеллажей, а я посмотрел на Злыдня. Он выворачивал шею и пытался рассмотреть, где пропала продавщица. Любопытный какой.

Девица вернулась, неся в руках небольшую коробку.

– Вот, смотрите. Сама доска, планшетка, которую будет двигать дух. Буквы, цифры. – Она тыкала пальцем в то, что показывала, говоря как будто с несмышленышем. Хотя, в ее глазах я, наверное, так и выглядел. – «Да», «Нет», «Может быть», «Прощай». Духи послабее, обычно, пользуются именно этими словами. Так что, вся доска может и не понадобиться. – Наверное, боялась, что я вкачу претензию, если дух не выдаст мне ответ из всех тридцати трех букв алфавита.

Я взял упакованную планшетку и взвесил ее на ладони. Легкая, с круглым отверстием внутри. Что-то вроде стрелки. Злыдень должен легко справиться с ее перемещением.

– Не беспокойтесь, у меня очень сильный дух. Он наверняка использует весь алфавит. И цифры заодно.

На мои слова Злыдень фыркнул, а девушка недовольно вздернула брови.

– Для вас, наверное, все это игра? Покупаете, чтобы развлечься с друзьями на пьяной вечеринке в бане?

Я пододвинул развороченную коробку к кассе:

– Во-первых, клиент всегда прав. Не нужно меня отчитывать. Во вторых, я не устраиваю пьяных вечеринок. В третьих, плачу наличкой. Сколько с меня?

Девушка покраснела и опустила взгляд:

– Простите… Одна тысяча, восемьсот рублей. Может… свечи или травы специальные купите? Они помогают вызвать духа.

Видимо, пыталась задобрить меня. А я вдруг вспомнил свой сон…

– А есть ароматические?

Она снова вздернула брови и махнула рукой вглубь магазина:

– Да, вон там. Я покажу!

– Не нужно. Я сам выберу.

Мы уединились со Злыднем в темном закутке, сплошь заставленном свечами самых разнообразных форм, цветов, запахов и размеров. Кто бы знал, на что способна человеческая фантазия! Я и не подозревал о существовании свечей с травами, черных, зеленых, треугольных и еще бог весть каких.

Поудобнее перехватив Злыдня, я тихо прошептал:

– Ну что, устроим романтический вечер?

Мне ответили совершенно человеческим закатыванием глаз, и я почувствовал, что опять смущаюсь рядом с НЕЙ. Выглядел, наверное, идиотом.

Но ничего не мог с собой поделать.

– Выбирай давай. Какие нравятся.

Злыдень снова фыркнул, но потом все-таки принюхался и ткнул пыльно-серой лапкой в толстую сиреневую свечу, которая обещала благоухать ароматом лаванды.

– И все? Смотри, сколько их здесь.

Но Злыдень отвернулся и ткнулся мордой мне в грудь. А я снова обвел взглядом заставленные полки. Свечи стояли группками, и возле каждой была карточка с описанием запаха, трав и их волшебных свойств, которые обещали изменить жизнь.

Не знаю, почему завис среди этой мистической чепухи, но… мне нужна капелька волшебства, чтобы разобраться во всем происходящем.

Я взял ту, которая пахла вербеной и имберем. И ту, которая обещала вернуть любовь. Потому что меня стойко преследовало ощущение, что я должен цепляться за свою незнакомку всеми мыслимыми способами.

ГЛАВА 11. ДИМА

– Ты должен восстанавливаться, а не бегать по городу в поисках идиоток, ведущихся на всяких отморозков.

Только то, что это был Василий Михайлович, удержало меня от мордобоя.

– Она не идиотка.

Михалыч посмотрел на меня тяжелым взглядом:

– Дим, я знаю тебя с десяти лет. Ну вот какая такая волшебная баба могла тебя настолько зацепить? У нее что-то между ног такое чудесное? Ты никогда ни за кем не бегал. А тут прям натурально с ума сходишь.

Он говорил так, потому что я уже успел налететь на всех, кто занимался «веселой группой сатанистов», как наши их назвали.

– Что у нее между ног – это только мое дело. Я просто прошу вас помочь.

Хорошо, что Злыдень этого не слышал. А иначе, лицо Михалыча несдобровало бы. А следом и мое. Пришлось оставить кота в машине и теперь волноваться, как он там без меня.

– Чем тебе Наташка не угодила? Да, немного дурная. Но ты бы ее быстро воспитал. Она ж всегда по тебе сохла.

На это я просто помолчал. Наташа сохла по развлечениям и ночным клубам. А меня это никогда не привлекало. Заниматься ее воспитанием должен был сам Михалыч. И на мой взгляд, чаще ее пороть, а не исполнять любой каприз.

– Вот. – Он плюхнул передо мной папку. – Все, что удалось собрать.

Я быстро открыл папку и пролистал файлы. Допросы. В основном, пьяный бред о том, что «просто хотели повеселиться». Разные вариации того, как было решено отметить Хэллоуин.

Но над парой страниц я остановился. Истеричный рассказ одной из девиц о том, что она не виновата, ее заставили и все в таком же духе. Но привлекло меня не это.

Конечно же, она пыталась спихнуть с себя всю вину и выставляла себя чуть ли не святой. Из ее рассказа получалось, что ее знакомому – какому-то Алексу – безумно понравилась ее двоюродная сестра. Но эта самая сестра – скучная, правильная и не любящая веселиться – никогда бы не стала ни с кем знакомиться. Дальше несколько абзацев девица поливала сестру грязью, перечисляя все ее грехи и не забывая упоминать, что она сама пыталась посодействовать личному счастью родственницы и безответно влюбленного в нее рыцаря.

В общем, обманом она заманила сестру в рощу… А дальше началось самое интересное: сестра пропала. Осталась только ее одежда, и больше ничего.

Святая сестра считала, что неблагодарная негодяйка попросту сбежала.

А что если… мой Злыдень – и есть ее сестра?

Я быстро сфотографировал страницы с данными девицы и спросил у Михалыч?

– Где сейчас эта?

Он мельком взглянул на данные:

– Отпустили. Не губить же девке жизнь. Молодая совсем.

А то, что она сама могла кому-то все загубить, никого не волнует.

Я быстро пролистал остальные допросы. Еще пара упоминаний того, что некий Алекс собирался развлечься с «девчонкой не из их тусовки».

Изнасиловать. Он просто собирался ее изнасиловать.

– А где сейчас он?

Михалыч вмиг помрачнел:

– Папаша действительно депутат оказался. Связи наверху. Меня вежливо попросили «простить мальчику глупый розыгрыш».

Я едва не перевернул стол:

– И вы простили?

– Я отпустил. Но не простил.

Я посмотрел на фото нагло улыбающейся твари. Не долго тебе радоваться осталось.

– Что есть по его семье?

– Даже не вздумай. – Михалыч попытался забрать у меня папку, но я быстро перехватил ее. – Не позволю карьеру портить. Оставь это мне.

– Отличным продвижением для моей карьеры станет… раскрытие преступной деятельности чиновника. А вас наградят.

– Дим. Его кто-то прикрывает. И я пока не выяснил кто. Там действовать тонко нужно. Я у них теперь на карандаше. И все, кто в ту ночь со мной был.

Я пролистнул еще несколько страниц, уже прекрасно зная, что буду делать дальше.

– Василий Михайлович, вы же сами научили меня тому, чем я занимаюсь. Я имею ввиду устные распоряжения…

Он резко прервал меня:

– Я прекрасно знаю, что ты имеешь ввиду!

– Ну так почему я узнаю обо всем этом только сейчас?

– Потому что ты тоже чей-то сын! – Он хлопнул рукой по столу. – Нина с Геной не простят мне, если с тобой что-то случится. Я сам себе не прощу.

Даже смешно стало:

– Вы из какого фильма это выдрали? – Он бросил на меня недовольный взгляд, а я усмехнулся. – А теперь серьезно. Вы знаете, что я это могу. У вас есть нужные связи. А я раздобуду то, что вы покажете этим связям. Ваша задача сделать все, чтобы я получил… приказ.

Собственно, это и было тем, чем я обычно занимался. Задания и спецоперации, о которых даже не существует записей. Вернее, они есть, но ограничены лишь парой строк.

Я копаюсь в этой грязи уже столько, что иногда грань между добром и злом не то, что стирается, – она искажается. Для меня это все стало такой обыденностью, что я почти даже не переживаю. Внутри все давно превратилось в черно-серый пепел. Лишь иногда оживают остатки сгоревших органов, и я начинаю испытывать физическую боль от всего совершенного.

Успокаиваю себя только тем, что большинство из тех, на кого мы получали «приказы», так или иначе были грязью. Торговля оружием, наркотиками, живым товаром… Это самое невинное из того, что они делали. Просто до определенного момента они были… нужны. Но потом в них перестали нуждаться. Или они забыли, под кем ходят. Или еще по какой-то причине. И вот тогда приходили такие, как я.

Чаще я работаю в одиночку. Иногда в группе с еще несколькими такими же «призраками». На бумаге наших должностей попросту не существует. Мы – обычные спецназовцы. Только зарплаты у нас больше, чем у остальных, и получаем мы их на особые счета.

В остальном же… самые простые, ничем не примечательные, мужчины и женщины.

Я перелистнул еще одну страницу, выныривая из чернухи, в которую сам же себя и загнал. Странно, но только Злыдню удавалось немного примерить меня с этим и вытянуть из ставшей привычной готовности к смерти. Я осознавал, что однажды и от меня могут захотеть избавиться.

Но только последнее время начал хотеть жить. По-настоящему. Чтобы и у меня было все то, что есть и у остальных людей. То, что они считают бытовухой, обыденностью и рутиной.

Я быстро сфотографировал ксерокопии тех страниц, которые были разбросаны на поляне в роще.

Даже если тут замешан сам сатана, я его найду. И поборюсь за свою обычную жизнь.

– Известно, что это за книга?

Михалыч покачал головой:

– Страницы принес уже известный тебе Алекс. Их, кстати, тоже попросили отдать. Собственно, это единственное, что осталось.

Я нашел данные на этого выродка и пробежал глазами, запоминая.

– А больше нам ничего и не надо. Кстати. Одежда той девушки. Она осталась?

– Тоже забрали. Но на ней ничего. ДНК не совпадает ни с одной из тех, которые мы взяли у этих мразин.

Потому что это была ЕЕ ДНК.

На всякий случай я щелкнул снимки самой поляны. Черепа, костер и выложенный из камней символ.

Михалыч забрал папку и спрятал в сейф:

– Наверное, боялись, что одежда одного из них…

Я поднялся, собираясь уходить, но он меня остановил:

– А если не будет ничего такого, за что ты получишь приказ?

Я пожал плечами:

– Не мне рассказывать вам, как все это фабрикуется.

– Ты играешь с огнем, Дима. Это все может плохо кончиться.

– Для меня? – Я вспомнил сегодняшнее утро и все, что чувствовал, ощущая на себе ее тело и теплое сонное дыхание. – Для меня все только начинается. Подумайте о Наташе.

Я знал, что это подействует. А даже если нет… то я все равно сделаю то, что задумал. Василий Михайлович – мой союзник в этом деле. Но с ним или без него, я все равно вырву глотку бл***, сотворившей такое.

ГЛАВА 12. ДИМА

– Дима, я тут созвонилась с Тамарой. Это очень хорошая моя знакомая. Ты не против, если она придет сюда? Хочу посидеть с ней. Устроим девичник, поболтаем. А то в кафе так дорого сейчас…

– Да без проблем. Хоть в кафе, хоть куда. Можешь взять мою карту.

– Дома все-таки как-то уютнее. Даже… в таком унылом, как у тебя.

– Ладно.

Слишком поздно я заметил страшное лицо, которое делал отец, явно подавая мне какие-то знаки.

Да и спокойный, почти просящий тон матери, – слишком на нее это не похоже.

Но сейчас я мог думать только о том, сможем ли мы со Злыднем нормально пообщаться. Отец уныло повесил голову, а на лице матери появилось коварное выражение, которое она даже не пыталась скрыть. Кажется, я попал в какую-то задницу. Позже буду разбираться. Сейчас я хотел только одного: запереться в своей спальне.

– Вот и отлично! Нужно продумать меню!

Я пожал плечами и сбежал от родителей. Запер дверь спальни на ключ и принялся распаковывать доску и зажигать свечи. Чувствуя мое волнение, Злыдень беспокойно крутился у моих ног.

По спальне поплыл приятный сладкий аромат, который тут же напомнил о завитках пепельно-русых волос, рассыпавшихся у меня по плечам и груди.

Я выключил свет. Комната залилась золотистым сиянием десятка свечей.

– Достаточно, чтобы вызвать твой дух?

Я взял Злыдня на руки и усадил себе на колени. Разложил на полу доску и бросил на нее планшетку.

– Ну что, попробуем? – Я опустил Злыдня на доску и заглянул в круглые голубые глаза. – Я буду задавать вопросы. А ты попробуешь отвечать, двигая стрелку. Договорились?

Злыдень кивнул и отвернулся, уставившись на доску.

– Ладно, поехали… Ты действительно человек?

Злыдень начал толкать планшетку к слову «Да». Он установил стрелку почти идеально ровно – пушистые лапки не остановились, пока внутри круглого отверстия не стали видны две буквы.

Ладно, теперь у меня не осталось никаких сомнений.

Да, еще утром я поверил, как бы фантастично это ни звучало. Но внутри я считал, что постепенно схожу с ума.

Теперь… не смотря на всю сказочность этой дикой ситуации, я… успокоился.

Злыдень стоял на доске и, задрав мордаху, смотрел на меня, ожидая следующего вопроса.

– Хорошо… – Стыдно было признаться, но у меня взмокли ладони. В голове вспыхивали тысячи вопросов, но я заставил себя успокоиться и сосредоточиться. Это как очередное задание. А в любом задании нужно действовать постепенно. Начиная с самого начала. А сначала люди знакомятся. – Как тебя зовут?

Злыдень отвернулся и коснулся лапкой планшетки. Медленно, по сантиметру, он двигал стрелку к алфавиту, стараясь установить ее точно на нужной букве.

Я стал складывать букву за буквой. Н. А. С. Т. Я

Помимо воли я улыбнулся:

– Приятно познакомиться, Настя…

Злыдень фыркнул и забавно прищурился, а я подумал, что моей колдунье досталось самое красивое имя на земле. Наверное, я все-таки немного съехал…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/moran_masha/vstretimsya-v-oktyabre-tvoy-kot

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити